

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

НИКТО
НЕ ХОТЕЛ
ВОРОВАТЬ.
НО В ИТОГЕ
УКРАЛИ
ВСЁ

МАГИ & МОТОРЫ

ДЕМОН-
САМОЗВУДНЕЦ

Annotation

Огромный мир разделен непреодолимой стеной Срединного хребта. Воды великих океанов сокрушили ее лишь в двух местах, но нет на свете морехода, способного провести через них свои корабли. Да и кому придет в голову столь безумная идея? Жители Севера прекрасно знают, что за горами лежит раскаленный ад, где нет жизни...

А какой ад без демонов? Леон появился из пентаграммы в камере для столь опасных преступников, что с ними даже разговаривать запрещено. Само собой, его все считают демоном, хотя он обычный человек из плоти и крови и никогда не бывал за Срединным хребтом. Хочешь не хочешь, а придется Леону теперь служить своему повелителю, который не верит ни в ад, ни в рай, зато хорошо знает, какую тайну испокон веков скрывают великие горы Срединного хребта.

Артем Каменистый ДЕМОН-САМОЗВАНЕЦ

— Я вас не расслышал, повторите, пожалуйста.

Да без проблем, повторив, причем не один раз. Почему не один? А потому, что столь исковерканную речь даже опытный логопед вряд ли поймет с двух попыток.

Мне, конечно, нетрудно говорить членораздельно и достаточно громко, но только не в этом случае. Я ведь сейчас уже не совсем я, а некто Сергей Нарышкин, тридцати шести лет от роду, неполное среднее образование, холост, обременен легкими проблемами с дикцией и куда более серьезными — с умственной полноценностью. Так как под себя он не гадит, государство не считает нужным кормить его досыта, вот и приходится ему подрабатывать. А чем можно заняться, если противопоказана любая деятельность сложнее ковыряния в носу? Сергей нашел себе экологическую нишу, возможно, очистив ее перед этим от какой-нибудь милой старушки. Так уж вышло, что слово «уборка» для меня четко ассоциируется именно с немолодыми женщинами, вооруженными швабрами.

То, что Сергей пять раз в неделю заходит со служебного хода, отбирая честный хлеб у бабушек, здесь никого не удивляет. Охрана, за действиями которой следят целых три камеры, делает вид, что не просто работает, а на ней здесь все держится, и потому уборщика пропускает лишь после короткого ритуала стандартной проверки. То есть вместо того, чтобы просто принять пропуск, спрашивают некоторые личные данные. А так как Нарышкин периодически забывает, куда сунул пластиковый прямоугольник с фотографией и не может внятно произнести свои данные, то задержки традиционны и никого не настораживают.

А вот их отсутствие может привлечь ненужное внимание.

Я, усердно шамкая губами и одновременно сворачивая язык в трубочку, предпринял очередную частично удачную попытку:

— Сеей Наыскын.

Охранник, из новых, так и порывался сказать что-то явно, по его мнению, забавное, но держался изо всех сил. Под надзором камер не пошутишь — «Большой брат» зрит. Зато напарник его не испытывал радости от созерцания чужой неполноценности и даже снизошел до того, чтобы пойти навстречу:

— Сергей Нарышкин, уборщик, допуск рабочий. Проходите.

Теперь надо уронить пластиковый прямоугольник пропуска и поднять его максимально неловким способом. Руки у Нарышкина дырявые, за время наблюдения он ронял пропуск в сорока процентах случаев, так что мне настойчиво рекомендовали поступить аналогично.

Тем более что во время этого маневра лицо будет скрыто как от охранников, так и от камер: в пол их вмонтировать пока что не догадались. Физиономию мою желательно прятать под любым предлогом, слишком уж она невыразительна, будто носит ее не живой человек, а статуя. Ни малейшей реакции ни на что — вечно одинаковое выражение.

И выражение это поменять не получится. Лицо ведь не родное, а фальшивка. Тупое и оплывшее, каким и положено быть лицу Нарышкина. Моя физиономия куда привлекательнее и на десяток лет моложе. И зовут меня совсем не Сергей. Только охране об этом знать необязательно.

Имя, кстати, у меня хорошее, запоминающееся, вот только многие переспрашивают — нет ли французских корней. В таких случаях я что-нибудь вру, потому как правду рассказывать долго и не очень-то приятно.

Так уж получилось, что меня угораздило родиться спустя несколько дней после того, как на экранах телевизоров Советского Союза впервые показали «мыльную оперу». Называлась она «Рабыня Изаура», и сказать, что имела успех, — это не сказать ничего. Я, конечно, не мог ничего помнить, но, судя по рассказам, всякая жизнь в стране во время трансляций прекращалась. Стояло все: от машин до заводов и электростанций. В промежутках между сериями люди обсуждали увиденное, широчайшим массам народа ни до чего другого не было дела. Слышал даже мнение, что именно из-за этого и развалилась великая страна.

В общем, когда пришло время выбирать имя для чада, у мамы не было ни малейших сомнений — разумеется, Леонсио. К счастью, она решила его сократить и, возможно, до сих пор где-то искренне верит, что уменьшительное от Леонсио — Леон.

Почему «где-то»? Да потому что она меня бросила сразу после рождения на попечительство бабушки, а потом и вовсе уехала с концами и письма слать перестала.

Такие вот дела.

Но я, в общем-то, ей благодарен. Хотя бы за то, что родила меня именно после «Рабыни Изауры». Ведь все могло закончиться куда печальнее: после нее запустили «Просто Марию», где уже не было Леонсио, зато имелся Хуан Карлос, с одной стороны, и обожающая сокращения мама, с другой.

Итак — охрана ничего не заподозрила. По их мнению, в тщательно охраняемое здание, занятое чуть ли не крупнейшим в стране медиахолдингом, зашел никакой не Леон в силиконовой маске (незаконченное высшее, холост, не без оснований считает себя лучшим образчиком человеческой породы), а Сергей Нарышкин (его краткую характеристику повторять не буду).

Вот и отлично, приступаем к следующей части плана.

План — это важно. Когда план предусматривает все, до последних мелочей, это пусть и не всегда осуществимый, но хороший план. Там, где я работаю, другие планы составлять не умеют. Вот сейчас я впервые в этом здании, но четко знаю, сколько шагов осталось до поворота и сколько ступеней в короткой лестнице, которая ведет к площадке грузового лифта. Почему выбрал грузовой? Да потому что я не просто так иду, а еще и груз толкаю — аляповатый пластиковый ящик, поставленный на четыре колеса. Швабры, тряпки, моющие средства — все в нем.

Ну и кое-что еще имеется, не относящееся к уборке.

Почему Нарышкин получает рабочие инструменты снаружи, из подъезжающей машины, после чего заходит в здание, я не знал. Порядок тут такой. Не исключено, что отечественные архитекторы, торопясь сварганить денежный заказ, позабыли спроектировать кладовку под такие нужды, и бедолаге Сергею теперь попросту негде хранить швабру. Ну в самом-то деле, не станешь ведь под такое отдавать целый кабинет? Цены за квадратный метр в районе такие, что ему и кладовки-то много будет.

Хотя, думаю, все объясняется куда проще. Скорее всего уборщиков у холдинга вообще нет, и они прибегают к услугам клининговой компании, а та сама заботится об инвентаре для работников.

Вот я уже в лифте, и лифт движется вверх, к семнадцатому этажу. Именно там Нарышкин сражается с грязью пять дней в неделю. Не знаю, где он сейчас, но не сомневаюсь, что жив и здоров. Организация, в которой я работаю, не занимается убийствами и членовредительством. Да, это может стать прибыльным бизнесом, но здесь тот случай, когда деньги свободно конвертируются в неразрешимые проблемы, причем могут сделать это

в самый неподходящий момент.

Мои боссы занимаются лишь чужими проблемами. Свои им ни к чему.

Предполагаю, что Сережа неожиданно повстречал прекрасных ребят, вмиг подружился с ними и в веселой компании выпил больше, чем рота гусаров. На радостях позабыл про все, в том числе и про работу, а может, и вовсе пребывает в нирване, валяется, сладко сопит, благоухая на всю темную подворотню пострадавшими от чрезмерности штанами. Ну не может у такого человека не быть пристрастия к вредным напиткам. Может, и будут потом неприятности, но пусть не держит зла: с ним ведь по-хорошему, даже по-приятному обошлись. А что до неприятностей, так против нас не бараны работают, и выяснить, что через охрану прошел не он, сумеют.

Охрана в таких случаях способна только на одно: поднимать записи; проверять, кто когда входил, выходил, чем занимался, сколько это длилось. Так составляется список тех, кто теоретически «мог». Что именно «мог»? Мог взять то, что было взято.

Или давайте не будем лицемерить: не просто взято, а взято без спроса.

То есть — украдено.

Да, я вор. Тяжелое детство и все такое. Только не ищите у меня записи всех концертов групп «Лесоповал» и «Бутырка». И синих куполов на груди вы тоже не найдете. Меня и вором-то назвать только такие бессовестные люди, как я, способны. Вслух такое никто никогда не произносит, тем более работодатели. Для тех, кто стоит за мной, я всего лишь крошечная насадка на огромном перфораторе, который с легкостью сокрушает любые преграды, что угодно, из любого материала. И плевать, что кто-то не сомневается в их несокрушимости. Я инструмент, предназначенный для того, чтобы доставать ценности, спрятанные за охраняемыми периметрами.

И прикасается к спрятанному именно та самая крошечная насадка.

Ворую не я — работает система.

Лифт не стал останавливаться на семнадцатом, я ведь и правда не собираюсь отнимать у Сергея его хлеб. Так что тамошние полы сегодня драить не будут. Мне надо на шесть этажей выше. Там во всем крыле вот уже с час нет ни единой души, так что по пути к следующей точке маршрута мне даже словом перемолвиться не с кем будет.

И это хорошо, так как непросто будет объяснить, почему вместо семнадцатого уборщик оказался на двадцать третьем.

Выйдя из лифта, первым делом стащил маску, после чего с невероятным наслаждением почесал нос. Примитивный поступок, но неистово мечтал об этом минут пятнадцать. Хорошее было лицо, почти как настоящее, но к родной коже доступ перекрывало полностью. Сослужило свою службу и прощай навсегда.

Есть, конечно, ненулевая вероятность, что придется показываться на глаза. В таком случае личина Нарышкина была бы кстати, но составители плана считали, что комфорт для исполнителя важнее.

Да и кто меня здесь увидит? И как? Владельцы холдинга, может, и любили швырять деньги на ветер, но предавались этому занятию где-нибудь в районе Куршавеля, а здесь вели себя как любимые правнуки гоголевского Плюшкина. Неудивительно, что света на всем этаже не было. А зачем он нужен, если никого нет? Впустую счетчик мотать?

Ради меня его зажигать не станут. Можно, конечно, самому включить, но это чревато — вдруг кто-то из знающих со стороны увидит и нехорошо удивится. Трудно, конечно, представить, что кому-нибудь взбредет в голову контролировать, сколько и на каких этажах

окон горит, но мой план составлялся предусмотрительными людьми, они не отмахивались даже от самых маловероятных вероятностей.

Я человек талантливый (где-то даже чересчур), и физически природа одарить меня не пощадилась. Но кое в чем и прижимистость проявила. К примеру, не наделила кошачьим зрением. И что мне теперь делать на темном этаже, расположенном так высоко, что уличный свет не добивает до окон? Да и окна эти за непрозрачными дверьми, а в коридорах экономится электроэнергия.

Спасибо чудесам техники, хоть прибор ночного видения работает хуже натурального зрения, но заменить его там, где оно не справляется, может. К тому же у этой модели масса полезных функций. Вот одна из них — из-за эффектов трения и сдавливания след человека отличается по температуре от окружающей среды. Разумеется — очень свежий след. Мой прибор эту разницу засекает. Посмотрел вниз и видишь, что перед тобой здесь кто-то прошел, и даже можно определить, в какую сторону.

Есть и другие полезные для меня свойства. Скрытые в стенах провода тянутся к замаскированным датчикам сигнализации. По ним протекает слабый ток, с потерями на сопротивление. Но ведь энергия не возникает ниоткуда и не уходит в никуда, так на что идут потери? Правильно, в том числе и на разогрев материала проводника.

Сигнализация на этаже есть, но не везде, и уровень ее меняется от места к месту. В том, куда я направляюсь, она достаточно серьезная. К тому же составители плана при всем желании не могут учесть все. Они просто люди, а человек не всеведущ. Всякое случалось. Однажды от меня требовалось переписать данные с жесткого диска. Посвящать меня в то, что именно следует выбирать, никто не стал, а может, и сами не знали всех деталей. Компьютер оказался на пароле, что планом не предусматривалось. Точнее, предусматривалось, но считалось, что справиться можно будет несложной технической манипуляцией. Увы, но все оказалось далеко не так, и я провозился почти полтора часа вместо предусмотренных семи минут.

И что в итоге? В итоге я обнаружил на диске большой раздел, заполненный красочными видео и фотоматериалами на тему полного раскрытия одной из разновидностей альтернативного сексуального поведения. Особо хочу отметить — лично меня эти особенности совершенно не интересовали, но тем не менее я был вынужден копировать их гигабайт за гигабайтами, пока не скачал все. Ни один самый заваливающий файл не ускользнул от моего внимания. Ведь приказ был прост и ясен, ни крохи информации нельзя было оставить без внимания.

Вряд ли заказчика интересовало именно содержимое того веселого раздела. Наши услуги стоят недешево, за такие деньги он бы мог скачать все порно мира не один раз. Но, надеюсь, он не подумал обо мне ничего плохого, когда пытался в этих навозных гигабайтах найти свой «жемчужный байт».

Из-за этих самых гигабайтов я тогда потерял лишние два с половиной часа. Мало того, что провозился с паролем, так еще и с копированием вышла задержка. Современные компьютеры еще не научились выполнять мгновенные операции со столь серьезными массивами данных.

Фора по времени предусматривается всегда, но два с половиной часа — это... Очень не хочется, чтобы подобное повторилось.

Вот я и на месте. Ничем не примечательное пересечение коридоров, ничего интересного здесь не наблюдается. Но это если говорить только о данном этаже. А вот чуть ниже картина

меняется, ведь именно там находится одно из мест, где мне не должна помешать докучливая система электронной охраны.

Так уж получилось, что нужный мне этаж, а точнее, часть его, облюбовал один далеко не последний человек в холдинге. Там у него, так сказать, личные апартаменты, причем весьма приличные. На этой площади можно было разместить добрую сотню клерков без тесноты и обид. Но из-за барских замашек на ней обитает всего один человек — горничная из Таиланда, скромная, тихая женщина средних лет. Сам хозяин бывает здесь нечасто, так что отвоеванный кусок этажа для него не более чем статусное отличие.

К тому же личный сейф охраняется не просто электроникой, а живыми сотрудниками собственной службы безопасности, коих в здании не один десяток человек.

Удобно.

Охрана, кстати, тема отдельного разговора. Не знаю, зачем честному медиахолдингу столь навороченные электронные системы безопасности и тем более, целая орава головорезов. Возможно, помимо прочего они занимаются оптовой торговлей героином или производят ЛСД в промышленных масштабах где-нибудь этажом выше. Меня предупредили, что здесь день и ночь дежурит немаленький отряд, вооруженный до зубов. Так что, если ошибусь, вязать меня будут не какие-нибудь колхозные сторожа, а чуть ли не спецназ.

Чур такие мысли!

Ладно, вернемся к объекту. Тайка — живой человек, а не набор микросхем. Она должна кушать, пить, двигаться, то есть выполнять действия, которые могут вызвать бурную реакцию охранной системы. Поэтому доступ в ряд помещений ей в обычное время запрещен, даже уборку там она делает по графику, в присутствии представителей службы безопасности. На остальной площади апартаментов сигнализация не реагирует на обитателя апартаментов, контролируя лишь периметр.

Вот подо мной как раз такое место. Остается один вопрос: как туда попасть? Люка в полу нет, сквозь железобетон я просачиваться не умею.

Но имеются другие способы.

Можно, к примеру, спуститься при помощи альпинистского снаряжения, разрезать стекло, проникнуть. Способ очевидный, и, естественно, к нему готовы — на окнах стоят датчики. Они не реагируют на движение горничной по комнатам, но я, даже если замаскируюсь под тайку, все равно не смогу сойти за своего.

Нет — сложно, опасно до глупости. Такие планы не для нас.

Окно отпадает, что дальше? Так как нуль-транспортировку пока что не изобрели, остается только пол. Тоже очевидный ход, и к нему тоже готовы. Железобетон лишь на вид прочен, существует множество способов пройти через сделанную из него преграду за кратчайшее время. Самый быстрый и очевидный — взорвать. Эффектно, признаю, но не для этого случая. Как ни старайся, но такой звук до безопасных значений не заглушишь, даже если люди не услышат, мимо датчиков такое не пройдет, они ведь помимо прочего следят за шумом и вибрацией.

А это еще что такое?! Мне ведь обещали полное одиночество, но, судя по звукам, на этаже кто-то есть. И как минимум два человека. Мужчина и женщина, причем вести они себя начинают все более и более шумно. И заняты они вовсе не сверхурочной работой, а друг дружкой.

Внезапный порыв страсти охватил двух задержавшихся трудоголиков? Тогда почему в окнах нет света? Значит, не внезапный, а спланированный. Выждали, когда все уйдут,

уединились, и понеслось.

Я, конечно, понимаю, что дома их могут ждать ревнивые мужья и жены, а снимать номер на часок жаба не позволяет. Но неужели они не могли выбрать для этого другой день? Ведь план не предусматривал, что мне придется работать по соседству с пылкими любовниками.

Развернуться? Уйти, пока не поздно? И что потом? Повторить в другой день, надеясь, что служба безопасности не заметит махинацию с Нарышкиным? Решает в таких случаях исполнитель — то есть я.

Похоже, страсть там нешуточная и надолго. Глянем, что за кабинет, прикинем, какие там подходы-отходы. У парочки могут возникнуть две потребности: пройти к лифтам или к туалетам. И в том и другом случае они проследуют далеко от меня, величина здания как бы намекает, что неожиданных соседей можно проигнорировать.

Решено — хрен с ними. Будем менять план? Нет, не будем. Разве что постараемся вести себя как можно тише.

Ну что же, вернемся к тому, на чем прервали — к бетону. Различные режущие инструменты использовать нельзя. Есть в моем арсенале самые разные, в том числе и достаточно бесшумные, вот только вибрацию они вызывают, а на этот случай у электронной охраны имеются датчики. Да и бесшумность их относительная, а мне теперь из-за непредвиденных любовников приходится вести себя втрое осторожнее.

В нашей работе есть две стороны: та, которая пытается сберечь свое честно или не очень честно нажитое добро, и вторая — с противоположными намерениями. Первая находится на первом месте по историческим причинам. Ведь для начала должно было появиться ценное имущество, и лишь затем посягатели на него. Согласитесь, вор, которому совершенно нечего украсть, — нонсенс. Но стоило кому-то изобрести дубовую дубину, и процесс пошел — появился мой коллега.

Мы всегда вторые, но лишь по причине порядка рождения нашей роли. А по факту всегда идем на шаг впереди владельцев, ведь только так можно рассчитывать на успех. Тот, первый владелец дубины, проломив череп мамонта, тут же начал пожирать сырое мясо, откинув орудие охоты в сторону, дабы немые руки освободить. Мой коллега незаметно подкрался, умыкнул и ушел не прощаясь.

Со второй дубины владелец уже глаз не спускал: помнил, научен, «поймаю-убью». Укладываясь спать, клал под руку, попробуй только отбери. Родоначальник моей профессии договорился с симпатичной самкой: волосатая, благоухающая на гектар, пронзительно-визгливая. Никого прекраснее ее в стаде обезьян не было.

Можно не сводить с дубины глаз за едой, можно спать с ней в обнимку, Но у каждого самца бывают моменты, когда он забывает про все на свете. Пообщавшись вдоволь с волосатой принцессой, вождь протянул руку за верным оружием и узнал, что его облапошили второй раз.

Так родился первый филиал моей организации. Крошечный, всего два сотрудника: вор-исполнитель и роковая красотка для отвлекающего маневра.

Проституция появилась, я так подозреваю, в то же время.

Что бы ни предпринимал хозяин нужного нам имущества, мы всегда на шаг опережаем его предусмотрительность.

Мои, скажем так, кураторы, не чураются быть в курсе достижений современной науки. Некоторые технологии, прежде чем добраться до широких масс, годами используются в

нашей среде. Вот и сейчас настало время к ним обратиться.

Химическая дрель: выглядит причудливо, в работе требует аккуратности, эффективна, бесшумна. Два реагента смешиваются перед впрыском в рабочую зону, капля, попав на поверхность бетона, начинает реагировать, растворяя то, что возможно растворить, и частично разъедая остальное. Помпа откачивает газы, прореагировавшую жидкость и взвесь из частичек уцелевшего вещества — главным образом это инертные минералы наполнителя. В случае, если в канале оказывается слишком крупный обломок такого минерала, приходится смещаться чуть в сторону и повторять сначала. Арматура тоже сопротивляется, но ее я заранее избегаю благодаря металлодетектору.

Чтобы расчистить пол от всякого покрытия, ушло не более минуты. Далее пришлось снова надевать маску. Нет, на этот раз не силиконовую, а защитную. Помпа несовершенна, возможны серьезные утечки газов, а они не очень-то полезны для здоровья.

Здоровье на такой работе — самое главное.

Бетон поддается хорошо, но моей дрели, увы, все же далеко до перфораторов, которыми пользуются обожающие ранний подъем соседи. Однако я терпелив, к тому же план предусматривает задержку на этом этапе.

Все заканчивается, вот и я отложил дрель в сторону. Семнадцать отверстий — результат. Сквозных нет, работа прекращалась, когда до конца оставались считанные миллиметры.

Достаточно быстро, бесшумно, и никакой вибрации — идеально сработано.

Это, разумеется, не все, ведь я не могу пробраться через неровное отверстие диаметром около сантиметра, и к тому же не сквозное. Пришло время сменить инструменты.

Технология разрушения бетона без взрыва родилась далеко не сегодня. Она активно используется там, где динамитом пользоваться не рекомендуется. Принцип действия прост: вместо брутальной взрывчатки применяются различные смеси, которые при затвердевании многократно увеличиваются в объеме. Остается правильно просверлить отверстия-шпур, залить, подождать.

К сожалению, за бесшумность приходится платить: ждать результата приходится слишком долго, и нас это не устраивает. Но ученые такие затейники, они постоянно придумывают что-то новое. Вот и сейчас, экспериментировали с полимерами и аммиаком, судя по вони, и получили продукт, устраивавший нас по всем статьям.

Смесь реагирует быстро, так что, если я не хочу, чтобы она застыла прямо в насадке насоса, необходимо действовать без задержек. Но и ошибаться нельзя: залить надо ровно столько, чтобы не доставало до верха миллиметров пять. В оставшееся пространство требуется так же быстро залить катализатор: он ускорит процесс в верхней части, там застывание произойдет быстрее всего, и образуется пробка, которая не позволит расширяющейся массе выплеснуться на мой этаж.

Теперь требуется только одно — немного подождать. Неспешно прочистил насос, свинтил насадку, проверил, не осталось ли в ней чего лишнего. Мало ли, вдруг еще пригодится.

А теперь можно устроить медитацию в тишине. Ну не совсем тишина: время от времени доносятся вопли страсти — любовники все не угомонятся. Ну и треск распираемого бетона тоже трудно игнорировать.

Просверлено как надо, без ошибки. Трещал, трещал и треснул, наконец, как полагается: шумно, с дробью осколков по пластику нижележащего подвесного потолка.

Смешно, но датчики вибрации все это проигнорировали. Ведь колебания ничуть не

похожи на те, которые вызываются пилящими и сверлящими инструментами. Трудно контролировать сейсмическую ситуацию в набитом людьми и оборудованием здании, приходится многое огрублять, а мы такое не упускаем.

Я же говорил — мы всегда на шаг впереди владельца ценной дубины.

Теперь надо минут десять подождать: приблизительно столько требуется смеси, чтобы, окончательно прореагировав, потерять структуру, стать ломкой, рассыпчатой массой.

А потом приходит время нового инструмента. Только не ждите шгучек в стиле Джеймса Бонда, на сей раз это банальные гидравлические ножницы. Для чего они мне? А для того, чтобы смесь прекрасно справилась с бетоном, но ведь у нас не просто бетон, а железобетон. Арматура никуда не делась, а пробраться в узкую трещину мне не дано.

Вот тут весьма выручает дружба со спортом: ножницы работают от мускульной силы, арматура крепка и готова выдержать многое. Как бы не так, против меня сопротивляется недолго. Теперь из бездонной тележки Нарышкина появляется домкрат, ведь болтающийся на оставленных с одной стороны прутках бетонный блок требуется, оттянуть в сторонку, далее расшатать и отогнуть, распахнув подобно люку.

Внизу темно, слой пластика мешает полюбоваться полом нужного мне этажа. С железобетоном справился, а такое просто ерунда, даже описывать процесс не стану.

Отверстие вышло так себе: узкое, с опасно торчащими зубьями арматуры по трем сторонам. Но меня на такую работу не за красивые глаза взяли. Пусть телосложением и не обделен, но при необходимости могу пробраться в такую дыру, куда футбольный мяч едва поместится. Главное, чтобы голова пролезла, остальное уже не проблема. Я не человек-змея, но на отсутствие гибкости с детства не жалею, к тому же цирковое училище много чего дало.

Ну здравствуй, двадцать второй этаж. Это я хорошо зашел: практически никакой сигнализации, обстановка милая и даже пахнет как-то приятно, будто от полевых цветов.

Пришло время серьезно разбираться с электроникой. Ее не подкупишь, не обманешь силиконовой маской и тщательно скопированной походкой чужого тебе человека. Ей надо кое-что другое. Что именно? Зависит от физических принципов, которые использовали создатели.

Некоторым видам сигнализации можно дать настоящий бой: подавить, ослепить и оглушить, заставить отойти в тыл, забиться в угол, замолчать.

Но сегодня я буду живым воплощением пацифизма: никаких атак, ни тени агрессии. При этом против меня будет сражаться до зубов вооруженный противник. В одной ладони у него зажаты емкостные датчики, в другой — симбиоз инфракрасных анализаторов с интеллектуально системой слежения.

Емкостные, как и следует из названия, засекают изменение емкости помещения. Они глухи и слепы — по сути, просто две пластины конденсатора. Стоит емкости этого конденсатора измениться, и электронный охранник включит тревогу. В каком случае эта емкость меняется? Ну, к примеру, если кто-то попадет в зону действия датчика, ведь он тем самым за счет своего тела изменит физические параметры помещения. Для техники мы просто кожаные мешки с электролитом.

Дилетант бы уже шел сдаваться, но меня какими-то безмозглыми конденсаторами не смутить.

Инфракрасная система — вот настоящее зло. Работает подобно моим очкам, то есть видит все, что хоть чуть-чуть выделяется по температуре от общего фона. Фиксирует такой

объект и следит, проверяя на движение. Чуть шевельнулся: все, пропал, небо в клеточку или багажник-лес-лопата.

Поставь возле убитого мамонта владелец той первой дубины подобную систему, и моя профессия могла не появиться.

С тех пор прошло время, а мы от него не отставали. И всегда на шаг обгоняли создателей таких вот неприятных штуковин.

Настало время для переодевания. Я бы и раньше мог это сделать, но опасался порвать костюм об арматуру, протискиваясь с двадцать третьего на двадцать второй. Обновка не от модных кутюр, но при этом стоит как минимум не дешевле. В общем, мне настоятельно рекомендовали ее беречь.

В зеркало бы сейчас посмотреться. Впрочем, что я там увижу? Себя же, только серебряного от пяток до макушки. В роли гуманоида с Сириуса я бы сейчас имел немалый успех.

Не знаю, из чего сделан костюм, но емкостные датчики в нем можно смело игнорировать, а с инфракрасными, если не глупить, разобраться не проблема. Для них у меня особый подарок — несколько «колобков». Называются они, конечно, иначе, но мне так удобнее. Да и выглядят один в один.

Всякая электронная система слежения имеет недостатки, несвойственные человеку. Вот что подумает живой охранник, если увидит, как в помещение один за другим закатываются несколько желтых шариков? А подумает он, что их не ветром надуло, а чьей-то преступной рукой.

Электроника так не умеет. Когда в контролируемую зону один за другим попадают несколько объектов, не выделяющихся на общем тепловом фоне, она не реагирует. Когда те начинают слегка разогреваться, чуть оживляется и начинает следить за их действиями. Если не шевелятся, значит, безопасны. Возможно, всего лишь колебания в отопительной системе или последствия сквозняка.

Впрочем, до объяснений электроника не снисходит. Есть неподвижные тепловые аномалии, следить за ними полагается, но бить в колокола нельзя.

Одна аномалия — мелочь. Две — тоже. Когда их пара дюжин, системе становится непросто за ними уследить. А когда они то повышают температуру выше фоновой, то остывают до нее, причем в разном ритме, занимаясь этим все одновременно...

Большое количество тесно расположенных источников сигналов может попросту перегрузить систему. На этот случай у нее предусмотрена защита: она выходит на упрощенный режим работы, проводит самодиагностику, после чего возвращается к прежним параметрам и сравнивает данные. Этот несложный алгоритм предохраняет от большинства случаев ложного срабатывания.

И одновременно открывает лазейку для таких, как я.

Около восьмидесяти секунд — столько уходит на самодиагностику. После этого система вернется в рабочий режим, обнаружит, что количество тепловых аномалий не изменилось и подаст сигнал тревоги. Так уж она запрограммирована, что в непонятных случаях вызывает человека.

Эти восемьдесят секунд надо прожить с толком. Не ногти грызть, не мух на потолке считать, а быстро добраться до пульта. Его не понадобится искать: он на видном месте, сбоку от входа, все как мне рассказывали. Именно красное мигание на нем подсказало, что пришло время для моего выхода на сцену. Система, разумеется, засекала главного злодея, несмотря на

хитроумный костюм, и даже поняла, что я не какой-нибудь неподвижный «колобок», а очень даже движущийся. Но в режиме самодиагностики даже такое подозрительное событие не требует от нее мгновенной реакции. Просто у меня теперь не восемьдесят секунд, а гораздо, гораздо меньше.

А мне и не надо много. Шесть, восемь, четыре, два, пять — код введен, система его приняла и вошла в режим «хозяин дома».

Откуда я знаю код? А мне его сказали составители плана. Откуда они его взяли? Понятия не имею и спрашивать у них не стану, у нас так не принято. Но знаю точно, что лучший наш друг в таких делах — человек. Так что советую подобную информацию не разглашать кому зря и хранить ее так, чтобы такие, как я, не могли выведать.

Но сразу предупреждаю, что добиться последнего непросто.

Прощай, электронный защитник, я для тебя теперь любимый хозяин или облеченное его высоким доверием лицо. Теперь могу делать все, что мне заблагорассудится, причем где угодно. В том числе в комнате, где расположен сейф. Что? Он хитроумно замаскирован? Хозяин думает, что его непросто найти? А я и не буду искать, потому что мне не просто показали план апартаментов, а еще и точку, где придется работать. Вряд ли хозяин будет переставлять такую тяжелую штуку, но вероятность этого не нулевая, так что я слегка обрадовался, обнаружив, что нужный предмет находится на месте.

«Швейцарец», их многие любят за мифы о надежности. Почему мифы? Слово «надежность» не к месту: можно говорить лишь о потерях времени и сил для взломщика.

Так вот — именно этот сейф неоднозначен. Я бы мог сверлить его стенку часами, швейцарцы на качестве стали никогда не сэкономили, сопротивляться она будет долго. Увы, времени на это нет, так что придется прибегнуть к грубой силе.

Но для начала проверить, не открыт ли. А то было в моей практике, когда чуть не взломал незапертый.

Увы — не тот случай. Ну да ладно, я ведь и не сильно надеялся.

Сейф двухслойный — стальные стенки с просыпкой между ними. Последняя против любителей поработать горелкой, но я не из таких. То есть как раз из таких, но не сейчас.

Сейчас мы будем взрывать.

Да, да — именно так. А почему бы и не пошалить, раз обезвреженная сигнализация даже брачные игры слонов проигнорирует? Смущают лишь два момента: любовники этажом выше и гражданка Таиланда. Но меня заверили, что она будет спать самым крепким сном, хоть дрова под ухом коли. Возможно, вскоре после моего ухода люди, которые все здесь перероют, найдут в ее комнате крошечный баллончик с таймером и установят, что в нем ранее находился неопасный для здоровья газ с простым эффектом.

Мы ведь не убиваем людей, мы просто изымаем их имущество.

А что там наши пылкие любовники? Да они просто двуличные, так и продолжают завывать на весь этаж. Если я проеду мимо на мотоцикле без глушителя, не заметят. Но на всякий случай прикроем дыру между этажами диванной подушкой. Ну и двери внизу не забыть захлопнуть — очевидная и достаточно действенная мера.

В кино сейфы принято обвязывать динамитом, но сразу скажу — не поможет. То есть взрыв вы, конечно, устройте, но вот железо может не сдаться или погибнет все содержимое. Тут надо действовать хитрее.

В тех же фильмах люди, подобные мне, для резки твердых веществ применяют алмазы. Ну да — для кинематографа хороший, стильный ход. А я плебей простой, мне достаточно

банального карбида циркония. Закрепил стержень в держатель и крути себе по кругу, будто работаешь ручной мясорубкой.

Если менять абразивные стержни по мере износа, я в итоге прорежу первую, основную стенку. Но это будет очень не скоро, а сейчас мне нужна всего лишь едва заметная черта. Она по большому счету лишнее, скорее ритуал, но я предпочитаю, чтобы взрывчатка работала по уже слегка ослабленной зоне. Умом понимаю, что при моем методе это лишь потеря времени, но такой вот каприз психики у человека, не надо придирааться.

Вот и все: круг, по которому сейф будет взломан грубой силой, намечен. Ящик Нарышкина остался на двадцать третьем, он слишком огромен и не пролезет в проделанное между этажами, отверстие. Но я прихватил из него множество полезных вещей, большей частью лишних. Сейчас они в компактном рюкзаке, и настало время в нем покопаться.

Гибкие алюминиевые уголки, внутри их уложенная «воронкой» лента пластиковой взрывчатки, что создает при применении кумулятивный эффект, усиливающийся тончайшей металлической накладкой. Средство резки взрывом — далеко не передовая технология, но безотказная, все еще пользующаяся спросом. Тут как раз тот редкий случай, когда наши противники никак не могут ее обогнать: ломает все, что угодно, вот уже полвека с лишним, и противодействовать этому не научились.

Закрепить по линии надреза, соединить детонирующим шнуром, удостовериться, что все ровно, без зазоров на стыке уголков. Вроде порядок. Теперь придется заняться вандализмом. Взрыв — громкий процесс, связанный к тому же с резким повышением температуры. Вспышка выйдет знатная, шум тоже, а это мне не нужно.

Для начала сходить в санузел, заполнить водой специальную грелку, предназначенную для спасения людей, долго остававшихся на лютom морозе. От обычных она отличается лишь размерами, к тому же в габариты стенки сейфа вписалась почти идеально. Дальше в ход идут сиденья стульев, диванные подушки и прихваченный специально для этих целей надувной матрас. Баррикада вышла неприглядная, но я за красотой не гнался: мне бы чтоб потише и без огня с дымом.

Кстати, насчет дыма — о датчиках пожарной сигнализации я позаботился. Не хватало еще, чтобы сюда понаехали бравые ребята на красных машинах.

А теперь пора напомнить друзьям, оставшимся снаружи, что некрасиво сидеть без дела: — Сигареты принесите.

Я вообще-то курю очень редко и лишь дорогие сигары, но таков уж условный сигнал.

Мне не говорили, как именно планируется обеспечить шумовое прикрытие незаконной деятельности. Последний раз это была полицейская машина с сиреной — весь квартал на уши подняла своим воем. Такие вот продажные стражи закона бывают. Что придумают на этот раз? А вот сейчас и узнаем...

Это оказался сценарий «расшалившаяся молодежь». Ну знаете, как оно бывает: обзаведутся недорогой китайской пиротехникой и шарахнут ее под окнами ровно в три часа ночи, вызвав у жильцов шквал отрицательных эмоций.

Вот под эти вспышки за окном, сопровождающиеся гулом разрывов, я и придавил кнопку.

Взрыв, несмотря на все ухищрения, получился громким. Ну а куда деваться — хоть взрывчатки использовано всего ничего, но на то он и взрыв. Вернувшись в кабинет, я обнаружил, что задымило его изрядно. Огня, кстати, не было, а была грязная лужа — вода из грелки не позволила ничему загореться. Даже диванные подушки не занялись, хотя их слегка

обугленные мокрые обрывки говорили, что им совсем чуть-чуть не хватило.

Швейцарское изделие надругательства не выдержало. Кумулятивные струи прошли не только через первую стенку, а и через песок, далее сломав последнюю преграду. Не слишком аккуратно выбитый взрывом круг упал в недра сейфа, где сейчас тихо дымился. Попахивало жжеными бумагами, видимо, тлели документы, их любят хранить в таких местах.

Вот и первые неприятности, и они не по плану! Если пострадала нужная нам начинка, то я крупно попал. А ведь делал все, как сказано, без импровизаций, согласно предварительным расчетам и с учетом того, что модель сейфа была известна заранее. Тогда что за безобразия?! Почему не подобрали взрыв поскромнее?!

Вот лучше бы импровизировал, уж в дозировке взрывчатки я пока что не ошибался.

Ладно, все разборки и поиск виновников будут после. Сейчас надо быстро добраться до замка изнутри, благо размер отверстия позволяет. И вот он, момент истины, — дверца распаивается без скрипа. Видимо, и правда не китайская подделка, ведь даже после такого надругательства ни малейшего люфта. Смести бумаги на загаженный пол, где они неминуемо промокнут в оставшейся после взрыва жиже. Очень может быть, что эти записи — великая ценность, и я совершаю огромную ошибку. Но меня прислали не за ними, так что пусть приходят в нетоварный вид, лишь бы перестали чадить.

Что у нас тут помимо бумаг?

Первым бросился в глаза компактный пистолет-пулемет израильского производства. Не знаю, зачем такую шутку держать в сейфе чуть ли не на рабочем месте, занимаясь при этом далекой от войны деятельностью. Но мне за свою недолгую жизнь довелось видеть немало раскуроченных сейфов и среди их содержимого встречалось столько неожиданных вещей, что давно перестал удивляться.

Меня сюда прислали не за «стволом» — такого добра на оплату сегодняшнего дела можно приобрести немаленький ящик.

Преуменьшил: много ящиков.

А это что такое? Да это же... Это...

Шедевр!

Легенда!

Это то, что не должно существовать!

Мама моя, да она к тому же полная!

Вот как можно было не притронуться к такому сокровищу?!

Отношения к алкоголю и курению у меня простое — не злоупотребляю. Особенно с последним. Редко, под особое настроение могу позволить себе дорогую сигару. Посмаковать, сидя у камина, или что-то в этом духе.

Но такую я себе позволить не мог. Cohiba Behike... Ведь это не просто сигары и даже не просто элитные сигары, это... Да это миф сигарной вселенной! Не поделка с гаванского конвейера, а самый первый выпуск, именно те, малая партия, где каждая пронумерована и все до единой скручены самой Нормой Фернандес. И высочайшее качество, до которого последующей серии бесконечно далеко. Даже одну штучку достать или хотя бы увидеть — еще тогда было сложно. А уж сейчас, спустя годы, да еще в таких количествах...

Бывают же в мире чудеса!

Нет, меня не за сигарами отправили, не подумайте, я вам не мальчик на побегушках. Но оставлять такое сокровище здесь, в дымящемся сейфе, в помещении, окутанном клубами продуктов взрыва... Они ведь как минимум рискуют потерять свой ни с чем не сравнимый

аромат. Так что я просто вынужден их спасти, пусть хозяин потом поблагодарит за такую самоотверженность.

Столько лет пролежали, интересно, как это скажется на качестве? Вот после дела, уже в спокойной обстановке, проверю. Чувствую, настроение будет как раз подходящее.

Ладно, вернемся к оплачиваемой работе. Что тут еще? Сверток какой-то. Непохоже, что в нем кусок колбасы завернут. Посмотрим... Да, это точно не колбаса. А что же? Затрудняюсь ответить. Можно назвать ювелирным украшением, так как сделано из золота, уж это я даже в темноте без ошибок определяю. Более всего предмет похож на упитанный волчок, скроенный из причудливо переплетающихся нитей драгоценного металла. В недрах виднеется какой-то неизвестный мне камень, ухитряющийся отблескивать даже во мраке.

Размер изделия с некрупное яблоко. Сколько здесь может быть золота? Ну, судя по толщине использованной проволоки и общей ажурности, и сотня грамм вряд ли наберется. Это, конечно, если пересчитывать на химически чистый металл. В ломбарде много не выручишь, но тут дело не в весе — если предмет старинный, ценность материалов не имеет значения.

Старины я насмотрелся и могу без экспертизы дать гарантию — вещь из тех, что фараонов помнят.

Вот только не могу отнести ее ни к чему знакомому. Никогда не встречал подобную манеру исполнения. Откуда такое вообще могло появиться? Гениальный мастер-одиночка создал, затем закопал и помер, не выдав секрета?

Проверил сейф еще раз, на всякий случай. Вроде бы ничего не упустил, так что пора сказать этому дому «прощай».

В ухе коротко пискнуло, — безликий голос произнес:

— У азиатки загорелся свет.

Все плохо. Очень плохо. Сам факт передачи кричит об этом во весь голос: мы свято храним обет радиомолчания, нарушая его в редких случаях и очень осторожно. У меня даже мобильник отключен — в этих штуковинах не один подвох для таких, как я, зарыт.

И что именно произошло? А произошло то, что план оказался не столь уж безупречен, причем я здесь не виноват. Кто допустил прокол — выяснять будут потом. А сейчас мы имеем следующее: горничная, вместо того чтобы смотреть десятый сон про родной Бангкок, поднялась и зажгла свет.

И зачем она это сделала? А затем, что сон ее оказался не столь крепок, как планировалось. Возможно, ее в младенчестве вместо материнского молока вскармливали опиумом и организм с тех пор не замечает слабые снотворные средства. И очень может быть, что поднялась она не просто так, а из-за шума взрыва.

— Конница пошла наверх, — сообщили мне очередную новость.

Даже зашифрованная связь в наше времена не так надежна, как ее рекламируют, и слово «охрана» заменили на название архаичного рода войск. Но не понять невозможно: горничная сообщила на пост нечто настолько интересное, что здешние служивые решили взглянуть на апартаменты лично.

Все это я обдумывал уже на ходу, возвращаясь тем же путем, каким пришел. То есть для начала на двадцать третий, а там... Там, в ящике, меня дожидается коробка с дубликатом маски Нарышкина. По плану я должен был ее нацепить, спуститься на грузовом лифте, отметить пропуск, покинуть здание. Уборщику здесь доверяют, так что работу нечасто осматривают «по горячим следам», к тому же тот, кто должен этим заниматься, сегодня не

явился по неведомой мне уважительной причине: знаю, кто ее организовал, но не знаю, что именно.

Может даже валяется в стельку пьяный рядом с Нарышкиным.

Через пост мне теперь не пройти. Сейчас, до разбирательства, выходы перекроют для всех без исключения: в службе безопасности здесь неоперабельные параноики подвизались, примерно так мне их охарактеризовали. Через минуту-другую они будут точно знать, что произошло, и начнется настоящий воровской кошмар: обыск здания, тотальная проверка без оглядки на должности.

Зачем я тогда возвращаюсь на двадцать третий, загоняя себя в ловушку еще выше? Нет, вертолет на крыше меня не ждет: в городе с полетами у нас очень строго, официально вообще никак не оформить, а неофициально собьют еще на подлете.

Ну ладно, я и на дельтаплан бы согласился, но его тоже нет. Зато во все той же тележке есть моток троса и удобный десендер.^[1] Не сказать, что улечу отсюда подобно Карлсону, но шансы уйти, даже не попавшись на глаза, весьма приличные. Это, разумеется, при поддержке со стороны команды.

Подвели они меня сегодня по-крупному, так что пусть из кожи выкарабкиваются теперь, но должны четко встретить внизу и увезти подальше от злых охранников.

Двадцать третий этаж, даю короткое сообщение:

— Через минуту буду.

Они знают, о чем я сейчас. Теперь перевернуть тележку Нарышкина, вскинуть на плечо выпавшую бухту троса, взвести прихваченный из сейфа «мини-узи», сунуть в карман рюкзака. Да, я помню, что мы не носим оружие и не убиваем, но попадаться мне очень не хочется. Страна у нас такая, что законы иной раз прямо-таки заботятся о злоумышленниках, а не о тех, кто с ними борется, потому охрана зачастую вооружена куда хуже преступников. Надеюсь, насчет местного «спецназа» меня всего лишь запугивали и сейчас на лифте поднимаются те самые люди с поста на входе, то есть простые парни, не забывшие про страх. Очередь над головами мгновенно заставит вспомнить о беременных женах и мизерном окладе.

Это, конечно, на самый крайний случай — если охрана окажется очень уж оперативной.

Дождаться лифта я не стал. Зачем? Я ведь не рассыпаюсь от старости и болезней, так пару этажей по лестнице в несколько прыжков пронесся. Дверь на крышу под сигнализацией, как и почти все в этом уже Изрядно поднадоевшем здании, времени с ней разбираться нет вообще, так что продолжаю заниматься вандализмом — расправляюсь с замком ударом ноги.

Где-то в недрах высотки при этом загорается красный огонек, но он не одинок: моя группа поддержки в данный момент вызывает срабатывания сразу в нескольких местах. Проще всего это проворачивать с окнами, для этого достаточно мощной пневматической винтовки. Наши люди, правда, применяют более навороченные устройства, но суть та же, — охрана фиксирует нарушение периметра сразу в нескольких точках, и на все обязана реагировать. Не так просто понять, какие из них ложные, значит, им придется терять время и силы на проверки.

А мне много времени не надо, я быстро справлюсь.

Только бы сейчас все шло по плану, без новых сюрпризов. Ведь они, эдакие негодяи, предпочитают ходить стаями, а не поодиночке.

Оттолкнуться, вновь оттолкнуться, раз за разом встречая стену здания ногами. Спуск

невозможно выполнить молниеносно, но я делал все, что мог, в этом направлении. Удары о стеклопакеты не проходили бесследно: датчики охранной системы их фиксировали, добавляя суматохи. Но если найдется кто-то достаточно умный, может проанализировать последовательность срабатывания и понять, что нарушитель уходит именно этим путем. Плевать, скоро я буду далеко от всего этого.

Трос неприятно задергался, когда до земли оставалось около десяти этажей. Не верю, что веревка обрела способность двигаться самостоятельно, значит, процесс инициирован снизу или сверху. В первом случае люди из команды должны помочь, во втором...

Надеюсь, у вторых нет при себе острого ножа.

При этой мысли трос печально обмяк и начал обвивать мое стремительно снижающееся тело подобно предельно истощенному удаву. Точно знаю, что внизу никто не будет готовить батут на такой случай, потому настроение у меня упало до столь скверной отметки, что словами не выразишь.

А потом упал и я.

Вспышка. Мрак.

— Трульма даатуга манарасс аччитилаас! Фаальтаоксиль науашшараас!

Гм... Неужели я остался жив? Тогда почему меня поместили в кабинет логопеда, да к тому же во время осмотра посетителя, отягощенного колоссальными проблемами с дикцией? Нарышкину до этого несчастного бесконечно далеко, тут даже я без ошибки поставлю правильный диагноз: «Неизлечимо».

Откровенно говоря, глаза открывать пришлось с опаской, потому как готов был увидеть нечто, что видеть совершенно не хочется. Дурные опасения имеют дурную привычку сбываться, вот и это сбылось.

Зря открыл.

Как бы сказать, чтобы получилось незатянута... Вот есть места, где от одного взгляда сердце петь готово, а душа порхает разноцветной тропической птичкой. Но есть и другие, где не то что петь — матом ругаться не захочется: мрак, тоска беспросветная, покосившиеся могильные кресты, смрад разложения и омерзительно каркающее воронье.

Вот я, к сожалению, оказался именно в другом.

Обстановка помещения прямым текстом намекала на застенки, причем не цивилизованные полицейские, а самые что ни на есть пыточные, времен если не Бориса Годунова, то недалеко от них ушедших. Сырые стены из крупных, небрежно отесанных каменных блоков, бородастая плесень в каждой щели, упитанные мокрицы и не менее упитанные питающиеся ими пауки. Дверь (дощатая!) снабжена квадратным окошком-кормушкой, над ней пристроилась электрическая лампочка — тусклая, с противно-красноватым свечением, но все равно выглядевшая здесь так же странно, как спутниковый навигатор на каравелле Колумба.

Более дешевых с виду ламп я еще никогда не видел.

На мебели здесь разоряться не стали, ограничившись лежанкой из голых досок у стены. Древесина отсырела до безобразия, и плесень устроила на ней пышную плантацию. На санитарно-гигиенических делах тоже сэкономили: в углу бадейка их тех же досок, прикрыта крышкой, так что внутрь не заглянуть. Да и заглядывать не хочется, потому как не сомневаюсь, что хорошее там держать не станут.

Более чем строгая обстановка. Сказать про нее «спартанская» — наглейшее преувеличение настоящей картины. Примитивный функционал, ни единой детали, в которой можно найти хоть что-нибудь лишнее или намекающее на комфорт. Впрочем вру — одна есть. Или одно... В общем, имеется тут что-то вроде украшения, если так можно выразиться. На полу грубыми линиями начерчен сложный многоугольник, вписанный в окружность. Кратка или мел не понадобились — некто попросту проделал борозду в многолетних наслоениях почти окаменевшей грязи.

Но сомневаюсь, что это простое украшение, и сомнения не беспричинны. Я почему-то стою именно по центру фигуры, и при этом не могу сдвинуться с места.

Бред умирающего?

На голову и плечи сваливаются опадающие кольца троса. Подняв голову, прежде всего убедился, что потолок помещения под стать всему остальному: такой же омерзительный, порченный плесенью, обжитый пауками и мокрицами.

Именно с потолка все падает и падает трос. Вот мелькнул обрезанный гнусными

негодьями конец, хлестнул напоследок по лицу, достиг пола. А я лишь глазами его проводил: так и стою истуканом, не в состоянии пошевелить ни рукой ни ногой.

Косноязычный незнакомец наблюдал за приключениями троса вместе со мной, продолжая лепетать свою белиберду. Выглядел он заметно веселее, чем окружающая обстановка. Редко встретишь человека, который, даже будучи обросшим недельной клочковатой щетиной, продолжает выглядеть потешным интеллигентом-ботаником. Еще и одет как бомж, отирающийся в районе помоек, куда киностудии сбрасывают свой хлам. Тряпье, его по виду побывало не в одном фильме интересных жанров. Потасканная треуголка спившегося пирата, алый бархатный топик «мечта гея», штаны, суженные на бедрах, зато внизу размерами превосходят трубы «Титаника». И ковбойские сапоги — настоящие «роперы», уж я-то знаю.

Очередная попытка шевельнуться, и опять неудачная: тело будто деревянное, как и вся здешняя мебель. И при этом почему-то не падает, стою насторожившимся сусликом возле норки.

Хотя кое-что вроде могу: язык шевелится, губы тоже, да и головой крутить получается. Пожалуй, имеет смысл обратиться к единственному обитателю каземата:

— Эй, чучело, а ты по-русски не можешь?

— Ашшаркамаанлаай дуусаль каачитлаль!

— Понятно.

Похоже, сосед по камере как источник информации — полный ноль.

А то, что это именно камера, сомнений почти не осталось. К тому же я не столь наивен, чтобы убеждать себя, будто после падения попал на реабилитацию в шикарный санаторий. Нет, это настоящая кутузка.

Неужто такие клоповники где-то сохранились? Да лучше на лесоповале сибирские кедры валить, чем терпеть такое убожество: там все же в тайге работаешь, свежим воздухом дышишь, а не этими болезнетворными миазмами, да и уборку в бараке регулярно проводят. Я, знаете ли, лишь на работе неприхотлив, а в быту тот еще эстет.

К тому же соседа подселили из тех, кто может подойти и в шею тебе вцепиться или даже заточенную ручку ложки в глаз забить, сатанински при этом похохатывая. Вон как уставился — несомненный псих. Его даже колотит, возможно, от предвкушения ужасающей расправы над беспомощным сокамерником.

Надеюсь, все, что я вокруг себя вижу, — действительно бред умирающего.

А псих не может уgomониться, так и несет свою ересь. Еще и приблизился, орет так, что брызги до лица долетают. А ведь он меня боится. Да — определенно боится. И одновременно чего-то хочет. Что ему от меня надо?

Что-то: в шею вцепиться или глаза выколоть. Чего еще от ненормального можно ждать?

Пить хочется так, что язык ссыхается. И мутит будто с тяжелейшего похмелья. Неужели в бреду можно страдать от таких симптомов?

Все — хана моим глазам. Псих явно решил на гнусность, подступает неотвратимо, даже бормотать прекратил.

— Убрал руки! Сломаю! Пришибу!

Ноль реакции: ладони тянутся к лицу, а пошевелиться как не мог, так и не могу. А этот гад, растягивая удовольствие, не торопится, прижал сальные пальцы к вискам, надавил. Кожу кольнуло, по губам и языку пробежало неприятное покалывание, будто к ним приставили электроды и пустили слабый ток.

Неужели от стресса такое бывает?!

Грязные руки давят все сильнее, псих начал бормотать что-то явно увещательное, голову уже откровенно потряхивает от разрядов. Он что там, провода между пальцев прятал, садист?!

А потом перед глазами потемнело.

Что-то частенько со мной такое в последнее время случается.

* * *

Очередная процедура открывания глаз. И опять ничего хорошего не увидел — все те же склизкие стены, освещаемые омерзительным светом трехкопеечной лампочки.

Но есть и некоторые изменения. Я больше не стою в центре многоугольника: я в нем валяюсь, и по моему телу безнаказанно ползают вконец обнаглевшие мокрицы, а в спину больно давит неприятно острый предмет. Зуб даю, что это ствол трофейного пистолета-пулемета, подобные предметы надо укладывать в рюкзак аккуратно, без спешки. Спасибо, что при нем не оказалось штык-ножа.

Пошевелил рукой: есть контакт, как минимум одна конечность заработала, и пальцы слушаются прекрасно. Ну вообще замечательно. Теперь можно попробовать подняться.

Вставал тяжело: тело как бы слушалось, но временами почему-то отказывало, так что с трудом удавалось не завалиться назад. С силой распрямил плечи, качнул головой в одну сторону, затем в другую. Гимнастика примитивная, но действенная. При моей работе не всегда допустимы резкие размашистые движения и вообще любая суета. А иной сейф приходится уговаривать часами, да еще и в неудобном положении. Мышцы затекают, работоспособность снижается, вот и приходится выкручиваться при помощи минимального набора способов.

Сокамерник стоял у стены, посматривая как-то противоречиво: одновременно вопросительно, даже чуть заискивающе, и нагло-самоуверенно. А затем открыл рот и тоном, не допускающим возражений, произнес:

— А теперь ты будешь делать то, что я тебе прикажу.

Ну конечно, ага, сейчас все брошу и примчусь выполнять его ценные указания. Не знаю, куда я влип на этот раз, но точно знаю, что стоит в подобном заведении на подобное предложение ответить согласием, как еще до вечера окажешься счастливым обладателем дырявой ложки. Ну и не только подпорченную посуду выдадут — у заключенных ритуал отправки на дно социальной пропасти отработан до мелочей. За кого он меня вообще держит? Болезненно тощий, с прыщавой физиономией девственника в девятом поколении, бицепсы имплантированы от туберкулезного цыпленка, а глаза... Да у тургеневских барышень взгляд в шесть раз мужественнее. Если такого пальцем стукнуть, скорее всего расплатится и побежит жаловаться мамочке.

Столь наглого и одновременно абсурдного наезда свет не видывал.

Улыбнулся ему многообещающе и намекнул о своих планах на ближайшее время:

— Ну что, чмо смешное, приготовься страдать.

— Ты должен мне повиноваться!

— Дятел ты пустоголовый, да я даже своему банку ничего не должен, хоть меня не раз на кредит подсадить пытались. Ты боль хорошо переносишь?

На последних словах хрустнул сжимаемыми кулаками, чтобы между нами не осталось неясностей. Не понять подобные сигналы невозможно, сокамерник заволновался еще сильнее:

— Стой и повинуйся! Не пересекай границу великой пентаграммы! Я тебе запрещаю!

— Да? А если пересеку?

— Ты будешь наказан! Ты очень сильно пожалеешь! Ты будешь каяться!

— Ну и выражения — безвкусица и бездарность. Ты что, отчислен с актерских курсов за полное отсутствие таланта? Впрочем, это не мое дело. Ну так что у нас дальше по программе? Давай, выражаясь твоим языком, поспорим, что жалеть о плохом поведении здесь придется вовсе не мне?

С этими словами я сделал шаг и развел руки в стороны:

— Вот видишь, пересек. И мне за это ничего не сделали. Ну-ка, самец курицы, повтори: что ты там только что кудахтал насчет наказания и подчинения? И заодно догадайся, кто здесь теперь будет доминировать. Ну что молчишь, неужто пришло запоздавшее раскаяние?

Говорил я, не повышая голоса, но этого хватало, чтобы наглеца как следует пробиравало. Он, похоже, и правда был уверен, что я, как последний недоумок, останусь торчать в его кривой пентаграмме. Совсем страх потерял. И говорит как по писаному, напрочь позабыв про свою абракадабру. Хотя...

А ведь я теперь занимаюсь тем же самым — несу какую-то дикую ересь. От этого открытия замер на середине шага, прекратив приближаться к все более и более вжимающемуся в стену сокамернику.

— Ёлка, водка, балалайка.

Не выдержал, улыбнулся: свой любимый и родной не забыл, говорю как и прежде. Только вот незадача, на него переключаться приходится, как и на хорошо знакомый английский. У меня на этот случай будто рубильник в голове: в одну сторону я по-русски балаболю, в другую — уже нет.

А теперь рубильник стал каким-то очень уж сложным. Во все стороны, что только есть, норовит повернуться и щелкнуть, подключив меня к языкам, о которых я прежде даже не подозревал.

— Это что за козье бляение? На каком языке мы сейчас задушевно общаемся?

Сокамерник от такого вопроса на миг опешил, затем, чуть отстранившись от стены, надменно и одновременно с нотками испуга ответил:

— Ты говоришь не просто на языке, а на великом языке аршанни.

— Да что ты говоришь? А я ведь еще вчера о нем вообще знать не знал.

Собеседник отмахнулся:

— Для меня даже в таком запущенном случае это не составило большого труда.

— Труда?

— Именно так: я трудился, я вложил в твою оболочку свои знания. Ту их часть, которая отвечает за языки. Она легко выделяется в слоях разума, универсальна, почти всегда совместима, с ней несложно работать. Я, конечно, говорю о себе: ничтожным ремесленникам даже словарный запас без аппарата управления не перенести — почти невозможная задача. Но мне, как мастеру душевного порядка, не пристало считать подобное затруднением.

— Подожди... Ты заявляешь, что перенес в мою голову целую кучу языков?!

— Именно так. Мне ведь надо как-то с тобой общаться, а без знания наречий ада это

затруднительно. Всякий перенос языкового пласта подразумевает честный обмен, так что, если хочешь, мы можем обратиться к более привычному тебе наречию. Я вижу два примитивных и бледные оболочки еще нескольких, столь же ничтожных по наполнению. Какой из них для тебя удобнее?

— Ты только что назвал мои языки наречиями ада.

— Ну ты ведь явился из ада, что еще я могу подумать о твоём языковом багаже?

— Знаешь, давай, пожалуй, перейдем на русский.

— Почему именно он?

— Потому что именно на нем общаются в самом страшном аду.

— Великий Бог! Я вижу, что этот язык скорее всего родной для тебя. Так ты из самых глубин ада? То есть могущественный демон или близок к ним? То-то с такой легкостью пересек охранный периметр.

Ну охраняемые периметры я всегда легко пересекаю. Правда, раньше они выглядели совсем не так.

Стоп, что-то я не о том думаю. Думать надо о том, что кто-то из нас двоих явно свихнулся.

А возможно, оба.

— Ты подожди, не торопись, успокойся, говори нормально. И давай лучше вернемся к началу. Итак, как тебя зовут?

Сокамерник, гордо распрямившись, напевно произнес:

— Даатлькраас Таальчи Сиссарис из дома Ташшани, мастер душевного порядка, врачеватель заблудших душ, адепт Церкви Последнего Порядка, отрекшийся страж канона, смотритель за сущим, следящий за...

— Стоп-стоп! Достаточно! Твое имя непомерной длины, так что будешь просто Датом.

— Демон, ты мне дерзишь!

— Отнюдь, у нас, в самом крутом аду, короткие имена чуть ли не великая честь. Я вот, к примеру, просто Леон.

— Демон Леон?

— Можно и без демона, я не настолько тщеславен.

— Для моего душевного спокойствия лучше все же демон Леон.

— Послушай, Дат, я так предполагаю, что ты считаешь, будто я сюда попал благодаря вот этому смехотворному рисунку на полу?

— Демон, неужели ты сам веришь в свои слова? Я, как отрекшийся страж канона, не хуже тебя знаю, что видимое не имеет цены и сокровенная суть материи заключается в том, что она слаба. Не все со мной согласны, и это часть причины того, что я оказался в этом страшном месте, но ты-то понимаешь, насколько я прав. Так ведь? Для существ бездны столь очевидный факт не может быть тайной.

— Дат, ты не мог бы покороче отвечать? Я всего лишь примитивный демон, от таких речей зевать начинаю.

— Три дня назад, пребывая в полном отчаянии, я решился на смехотворное безумство: бросил вызов великому Богу, прибегнув к ритуалу Трааса и перепробовав до этого много другого. Это при том, что история Трааса считается вымышленной легендой от начала до конца, ее даже в апокрифы не удосужились внести. К тому же о демонических ритуалах знания не сохранились. Так... обрывки невразумительные, веры которым нет. Но я ухватился за эту последнюю ниточку, попытавшись восстановить исходный ритуал. Зримое — тлен, но

напитанная силой пентаграмма — это уже нечто совершенно другое. Сутки глаз не смыкал, ждал. Ждал прихода такого, как ты. Но ритуал не сработал, потому как был ошибкой изначальной. Так я считал... считал до этого дня. И вот сегодня, сражаясь с опустошением сил, которые израсходовал на проклятый рисунок, я увидел тебя. Там, где и ожидал изначально увидеть: в плену у силового конструкта, беспомощного, разъяренного, порабощенного.

— Э... полегче, пока я не огорчился.

Дат неожиданно плюхнулся на склизкое ложе, завалился на спину с такой скоростью, что громко стукнулся затылком, на лице его расплылась блаженная улыбка:

— Я всегда знал, что когда-нибудь совершу открытие. Настоящее открытие. Такое, которое поставит меня выше всех одним лишь фактом. Я сделал невозможное и...

Физиономия сокамерника, только что сиявшая, как морда кота, прижившегося на сметанной фабрике, вмиг помрачнела и даже чуть осунулась. Горестно ухватив себя за волосы, он потянул их с такой силой, что послышался треск. Из горла вырвался нечленораздельный вопль, и на этом все закончилось — лицо стало умиротворенно-отрешенным, Дат тихо, без эмоций, произнес:

— Теперь у меня есть демон. Теперь все будет иначе.

Определенно — псих.

— Ты, по-моему, до сих пор не понял, что если я и демон, то уж не твой точно.

По губам Дата скользнула тень ледяной улыбки.

— Да, демон Леон, я понял. Я просто позабыл, что все в этой жизни имеет цену. Тем более если речь идет об услугах ада.

— Да, — кивнул я, инстинктивно насторожившись при упоминании возможности оплаты. — Услуги нашей организации не из дешевых. Мы как-никак бренд с богатой историей, сам понимаешь.

Глупейшие слова будто сами собой вырвались, причем все были к месту. Дат кивнул, соглашаясь, и еще тише произнес:

— Так что ты потребуешь, демон Леон, за свои услуги?

Может, сокамерник и тот еще псих, но я в себе никогда не сомневался и потому априори считаюсь нормальным. Плевать, что именно хочет этот сумасшедший, а я хочу знать одно: как мне вернуться обратно и никогда более не возвращаться в это пугающее место? А в случае, если это изощренный розыгрыш или, допустим, новый метод оказания давления на упрямого задержанного, нужно как-то подать весть своим, что угодил в непростую кутузку, пусть что-то придумают.

Только что это за кутузка такая, где в голову языки записывают? Хотя мало ли до чего добралась сегодняшняя психиатрия. Особенно те ее отрасли, где термин «права человека» воспринимается как далекая экзотика. Для моего же душевного спокойствия выгоднее считать, что я в тюрьме, иначе возникнет слишком много лишних вопросов, отвечать на которые некому.

В общем, пока что мне нужно лишь одно — информация.

— Э... Понимаешь, Дат, у нас, в аду, строгие расценки, и я не могу сообщить тебе стоимость моих услуг, прежде чем не узнаю, что именно тебе от меня требуется.

— Разумно, — согласился сокамерник. — Мне потребуется многое.

— Ну так огласи весь список, я очень внимательно слушаю.

Дат поднялся, уселся на лежанку, поджал ноги, приподнял руку, вытянул ладонь, показал

один палец:

— Мне надо, чтобы ты пробудил моего муунта. — В ход пошел второй палец: — Ты должен помочь мне добраться до отрекшихся стражей, пока они не сгнули в проклятых горах. Какой каприз судьбы, добиться таких успехов и стать никем, презренными изгоями, всеми забытыми, в чужой земле. Там ведь не крестьяне с полей, там величайшие умы, вся вина которых лишь в том, что подвергли сомнению неизменность ритуалов. Магия живая, а не окаменевший скелет, но лишь избранным доступно понимание столь простой истины. Ты знаешь Кайру? Кайру Ло, которая из Пешваров? Ее знают все, что неудивительно, ведь она может лечить любой телесный недуг. В тех случаях, когда врачи лишь руками разводят, ссылаясь на происки высших сил, бороться с которыми смертным не дано, идут к ней. И она помогает. Помогает потому, что не оглядывается на каноны, а делает по-своему. А вот Дамуса Карра из Шеамов мало кто знает, зато он знает о металлах все. Абсолютно все. Ему не нужен кузнечный инструмент, он может тончайший нож закалить так, что тот будет снимать стружку с обычной стали. Отлитый им колокол издает звон спустя бесконечно долгое время после удара. И такое я могу рассказать почти про каждого отрекшегося. Мы думали, что пришло время встряхнуть болото, в котором существуем уже не один век, но нас не поняли. Власть опасается нового, увы, и готова бороться за традиции до последнего. И мы ушли... Да... Так ты понял, куда меня надо доставить?

— К отрекшимся стражам, среди которых есть великий лекарь и металлург.

— Если бы только лекарь и металлург, там почти каждый в чем-то велик, свершивший то, что до него было неизвестно. И да, я хочу попасть к ним. А потом... — На лице сокамерника промелькнула тень растерянности. — Потом... Прежде чем говорить о дальнейшем, я должен буду обсудить случившееся с отрекшимися. Я не знаю, как именно дальше тебя использовать, решать скорее всего будут другие. Но тебя ждет грандиозная задача. Что-то такое, отчего изменится весь юг. А может, и не только он. То, что дверь в ад приоткрылась именно сейчас, говорит о многом. Я не готов это обсуждать и даже думать о таком не могу. Но это пока. Душевное равновесие вернется, а с ним и мысли. Ведь что я хотел изначально... зачем позвал тебя... О Великие Боги!

Дат опять вцепился в волосы и опять потянул их до треска. Такими темпами к концу разговора ему потребуется парик.

— Я ведь... Я ведь всего лишь хотел, чтобы ты вытащил меня отсюда. Всего-то! Какая мелочь, ведь дай мне самую ничтожную возможность, и я справлюсь своими силами. Но нет же, обратился к помощи бездны. Но знаешь, ведь это даже к лучшему: начнешь с ничтожных поручений и постепенно дойдешь до великих.

— Э... уважаемый, я не совсем понимаю. Нельзя ли поменьше сумбура?

— В каком смысле?

— В таком, что я до сих пор не наблюдаю четкого списка действий, к выполнению которых меня хотят привлечь. Это говорит о непрофессионализме нанимателя: ведь если он сам не понимает, чего хочет от исполнителя, то как быть последнему?

— Да, слишком много мыслей и каша из слов. Я прошу прощения. Итак, прямо сейчас я хочу следующее: покинуть это место и как можно быстрее оказаться в заброшенном форпосте исследователей севера, что расположен в северной долине под Трехголовым пиком. Там меня ждут отрекшиеся стражи. Это примерно точно на юг отсюда, и не узнать такую гору будет невозможно: она самая высокая на несколько часов полета вокруг, ее вершина походит на трезубец, если смотреть с запада или востока. По пути к ней мы должны

сделать остановку на берегу Узкого моря, которое омывает Срединный хребет. Там, на севере, дельта большой реки, по левому берегу которой тянутся джунгли. Чуть западнее ее на небольшом удалении от берега есть два островка. Один абсолютно голый, бесплодный, лишь скудная трава местами, на втором встречаются густые заросли кустарника. На нем же лежит остов выброшенного на мель корабля. Мне пришлось сделать плот из его обломков, чтобы добраться до этих страшных мест. Ведь муунт остался там, он больше не мог летать. Ну да, там, возле корабля, чуть выше пляжа. Свернулся в клубок среди кустов. На этих кошмарных землях не нашлось даже вялой веточки рниша, он впал в глубокую спячку без него. Муунт фамильный, он принадлежал моему деду, а затем отцу, я им очень дорожу и не могу оставить там. Кто знает, когда смогу вернуться самостоятельно, а он не сможет долго ждать, так что помочь ему придется именно тебе. Просто дай ему рниш, хотя бы пару веточек, и, когда он начнет просыпаться, громко произнеси: «Талашай аккурро!» Тогда Талашай тебя признает и не тронет ни твоего сознания, ни тела. Ты станешь для него вторым после меня. Ох! Что я сказал?!

— Много слов было произнесено.

— Тебе не надо произносить зов муунта, я сам его подниму, забудь. Но все остальное в силе. Я понимаю, что эти задачи чересчур просты для тебя, но знай, что далее тебя ждут другие, куда более великие. Теперь ты все понял, демон Леон?

С работодателями надо говорить на их языке, как бы странно они ни изъяснялись. Иначе мигом кинут — к гадалке не ходи. Скажут потом, что ты неправильно их понял, и попробуй что-то докажи.

Хотя какой он к черту мой работодатель?! Он вообще не пойми кто. Но нет же, мозг уже работает в привычном направлении, отдавая приказы языку:

— Итак, Дат, я правильно понял: от меня требуется выполнение трех поручений?

— Как это трех? Я просил одно.

— Здесь не то место, чтобы просить, как я уже говорил, в аду расценки строгие.

— Но...

— Никаких «но». Давай посчитаем вместе. Первое: тебя надо вызволить отсюда. Второе: надо позаботиться о твоём муунте. И третье: тебя надо доставить в долину на севере от Трехголового пика, к отверженным стражам. Я ничего не упустил? Все верно?

— Демон, но ведь доставить меня к отверженным стражам, не вытащив из этого узилища, не получится. Так что я считаю это одним заданием.

— Э нет. — Я покачал пальцем. — У нас, в аду, расценки четкие, и там так же четко расписаны все возможные ситуации, чтобы хитроумный клиент не смог увильнуть от оплаты. Если же он упрямится, допустимы варианты оказания на него некоторого давления. То есть своим последним заявлением ты развязываешь мне руки.

— Для чего развязываешь?!

— Для давления. Скажем так я могу доставить тебя в долину, не освобождая. Допустим, вместе с этим узилищем.

Дат отмахнулся:

— Отверженные стражи легко меня отсюда вытащат. Здешние дикари опасны лишь количеством.

— Ну а если я доставлю тебя в долину, только не на ее поверхность, а, допустим, на высоту того самого Трехглавого пика. Он ведь достаточно высок, не так ли?

Опять отмашка:

— Перед этим ты поможешь муунту. Все, что ему надо, — одна жалкая веточка рниша. Пощекотать ноздри, и он воспрянет от сна, расправит крылья и сам донесет меня к стражам. Демон Леон, с муунтом не страшна любая высота. Хотя... — Дат чуть помрачнел. — Высота пика все же великовата даже для него. На такую высоту никто, кроме редких искусников не может забраться. Там трудно выжить, слишком мало воздуха. Говорят, человек истекает кровью на куда меньшей высоте, его ткани попросту разрывает.

— Вот видишь, Дат, у меня есть некоторые методы воздействия. Разумеется, их допускается применять лишь в тех случаях, когда клиент отказывается платить. В прочих ситуациях мы, работники ада, сама вежливость и безукоризненная исполнительность.

— Знаешь, демон, не стану спорить из-за одного жалкого поручения. Меня больше волнуют дальнейшие планы на тебя. Итак, ты согласен выполнить работу? И если да, какую цену за это потребуешь?

— Вот это уже конкретный деловой разговор. И, прежде чем дать ответ, так же конкретно задам встречный вопрос: готов ли ты после выполнения поручений вернуть меня назад с полученным вознаграждением?

Дат кивнул:

— Готов. Ну как бы... То есть я не в силах... Я ведь не знаю ритуал. Ты знаешь? Расскажешь?

— Вызвать сумел, а назад отправить, значит, нет? Да ты, Дат, слаб...

— Но это не... Я ведь говорил: ритуалы такого рода считаются легендой, вымыслом. В них нет ни капли рационального. Я сам до сих пор не отошел от шока, вызванного твоим появлением. Но... Но, думаю, у других отверженных стражей обязательно окажется нужная информация. Мы ведь интересовались всем, что не вписано в каноны, в том числе и тем, что находится за апокрифами. Ведь кто знает, где могут скрываться крупницы истины. Доставь меня к стражам, и там мы уже решим вопрос с твоим возвращением. Уж прости, но я даже не предполагал, что у вас, демонов, с этим могут возникнуть сложности. Так что не волнуйся по этому поводу.

— А разве похоже, будто я волнуюсь?

— Нет, но некоторая растерянность в тебе ощущается. Я врачеватель заблудших душ, и пусть твоя душа сама тьма, но какие-то оттенки уловить мне дано. Называй же свою цену и торопись. В этой тюрьме происходят непонятные мне дела. Перед твоим появлением случился страшный шум и, похоже, звуки сражения. Я опасаясь за свою безопасность, ведь от этих дикарей можно ожидать лишь самое худшее. Ну же! Твоя цена?!

— Аванс как обычно — тридцать процентов. Остальная сумма придет на ваш счет на Кайманах в течение суток после... эээ... благополучного завершения поручения.

Что-то примерно в таком роде я слышу, когда в разговоре с работодателем всплывает упоминание оплаты. Мы, элитные похитители ценностей, не в провонявших мочой подворотнях заказы принимаем, и уж тем более не в донельзя запущенных тюремных камерах. Обстановка у нас при этом, как правило, спокойная, располагающая к вальяжности.

И процесс получения заказа ни в коем случае не подразумевает стрельбу и прочее насилие — мы не бандиты, мы честные воры.

Но что-то пошло не так. За дощатой дверью приглушенно бахнуло, затем еще и еще. Толщина досок немалая, и звукоизоляцию они обеспечивают неплохую, но против столь впечатляющих звуков это почти ничто.

Дат, осекшись, обернулся на шум, пролепетал:

— Ну вот, опять этот жуткий грохот. Я ведь говорил, что надо спешить.

Мои занятия не подразумевают наличия глубоких познаний в огнестрельном оружии, но и быть полным профаном в какой-либо области у нас не рекомендуется. Кто знает, что выплывет в ходе выполнения очередного заказа. Всякое случается, иной раз даже поверхностные представления в, казалось бы, далекой от нашего дела области могут здорово выручить.

Не хлопущки на детском утреннике. И не фейерверки китайские. Боевое оружие с весьма и весьма приличным патроном — очень похоже на винтовку. А вот что-то заметно скромнее, скорее всего пистолет. Короткий вскрик, и почти сразу жуткий удар в дверь, как будто с той стороны, от души размахнувшись, врезали тяжелой кувалдой.

Вот только не было никакой кувалды, пуля это. Доски не только на вид прочные, но и на деле. Пусть и попортила их сырость, но выдержали.

— Такого еще не было... — пролепетал Дат.

Еще удар и еще, но эти уже куда глуше: пули лупят не в нашу дверь, вероятнее всего, попадают в стены. В какой-то миг трескотня выстрелов достигла такой величины, что они временами сливались в сплошной гул. А затем грохнуло, пол под ногами вздрогнул, с потолка посыпалась омерзительного вида труха вперемешку с перепуганными мокрицами, трехкопеечная лампочка, отмучившись, со звоном лопнула, оставив нас во тьме. Дат дал волю нервам, завизжав перепуганной бабой, да и мне как-то не по себе стало, но привычка скрывать свои чувства не позволила выказать признаки слабости.

Прокомментировал как можно более непринужденным голосом:

— Для тюрьмы как-то слишком уж здесь шумновато.

— Забери меня отсюда! — всхлипывая, взмолился Дат.

— Сожалею, но до тех пор пока не будут обговорены все нюансы вопроса оплаты, я бессилен что-либо предпринять. У нас очень строгие правила в этом вопросе.

За дверью завопили, окошко «кормушки» распахнулось, оттуда донесся перепуганно-злобный басовитый ГОЛОСОК:

— Ваших тут нет, сказано же! Нет!

— Это ты портовым бабам на вопрос оплаты такое отвечай! Еще расскажи, что это не каземат особого режима!

— Он самый, но тут непростой постоялец, заперт по личному распоряжению самого господина наместника. Он точно не ваш, клянусь чем угодно: не солдат и не офицер — с одного взгляда понятно.

— Свет где, тупица?!

— Был свет, да вы тут разнесли нам все, ироды. Разве ж можно так?

— Молчать!

— А я ору разве? Без света таких узников не положено содержать, присмотр постоянный требуется. Не горит лампа, чинить надобно.

— Эй, есть там кто живой?!

Я как раз копался в собственной голове, не переставая удивляться новостям: язык людей за дверью мне совершенно не знаком, но понимаю его прекрасно. Ответил лишь для того, чтобы проверить, смогу ли на нем произнести что-нибудь:

— Ну один живой тут есть безо всякого сомнения.

— Жди, сейчас мы тебя, парень, вытащим. Открывай!

— Не могу.

— Что?!

— Да правда не могу, это же особый каземат, за узника сам господин начальник отвечает.

— Ключ у него?

— У коридорного должен быть второй, у него в камерке шкаф нестораемый, вот там их и хранят.

— Кто-нибудь, быстрее туда и обратно! А ты теперь не говори, что там карманника держат. С такими-то предосторожностями.

— А я говорил такое разве? Не карманник, конечно, но кто, мне неизвестно. По личному приказу господина наместника сидит, даже имени нет никакого, под номером записан, можете сами учетный журнал посмотреть, если не верите.

— Зачем нам какой-то вонючий журнал, мы на лицо смотреть будем, а то господин генерал у вас тоже небось под номером проходит.

— Не могу знать, он в другом блоке.

— Ха! А это-то откуда знаешь?!

— Так ведь слухи ходят, куда же без них.

Шум бегущего человека, сбивчивый голос:

— Три ключа там, какой нужен?!

— Давай сюда все, этот разберется.

С той стороны завозились в замочной скважине, отчаянно заскрипел проворачиваемый замок, и дверь распахнулась с куда более серьезным скрипом. В коридоре оказалось гораздо светлее, но все же не настолько, чтобы я зажмурил глаза. Да и будь там прожектор на пять мегаватт, все равно надо делать вид, что мне все нипочем. Вот и стоял посреди камеры истуканом, небрежно заложив руки за спину и чуть отставив ногу. Спина выпрямлена, голова гордо вскинута, взгляд уверенный и слегка наглый.

Первое впечатление о человеке стоит немало. Может, глянут на меня, такого интересного, и не станут лупить ногами.

Ну а если не поможет, так руки за спиной не просто так устроились, а пистолет-пулемет сжимают. В условиях малого по площади помещения, где сражаться придется практически в упор, эта скорострелка гораздо эффективнее, чем то, из чего они бабахали до этого.

Хотя не факт, что после всех этих приключений оружие осталось оружием, а не куском бесполезного металла.

На порог шагнул первый посетитель. Невысок, причем по-настоящему невысок, а не в сравнении со мной — мой рост заметно отличается от среднего. Зато плечи такие, что едва в дверной проем вписались. Могучий парень, про таких говорят — кряжистый. Одет он не так, как Дат. Нет, совершенно не так. Серая плоская фуражка со здоровенным козырьком, над которым пристроилась матерчатая кокарда, мундир того же цвета и штаны вполне нормального вида, а не потешно расширяющиеся книзу. И лакированные сапоги, начищенные до такого блеска, что могут заменить зеркало.

Еще один, такого же телосложения и в таком же одеянии, маячил позади.

Ну ладно, один простительно, но два — это уже не сборище любителей одинакового стиля. Это солдаты. Или офицеры. В общем — люди армии.

Первый, подсветив обстановку камеры самой настоящей антикварной керосиновой лампой, удивленно опустил внушительных размеров револьвер, который прежде сжимал наготове в правой руке.

— Это что еще... Это... Это кто такой?!

— Заключение, которого вы изволили захотеть увидеть, — пробурчали из коридора.

— Ничего не... — Военнослужащий неизвестной армии и рода войск, не сводя с меня ошеломленного взгляда, рявкнул: — Надзирателя сюда! Живо!

Солдат за его спиной развернулся, вытащил кого-то из-за стены, придав пинком ускорение, направил в камеру. Невысокий плюгавенький человечек с розовощеким лицом младенца и в форме, ничуть не похожей на ту, что носили первые два, неловко просеменил, но на ногах удержался. А затем уставился на меня, и взгляд его тоже оказался не из равнодушных.

Я человек симпатичный, но вряд ли они влюбились с первого взгляда, думаю, все куда менее романтично. Мне ведь пришлось в спешке покинуть одно высокое здание, и я не успел переодеться, так и остался в спецовке. А так как работаю я не токарем, то спецовка у меня интересная — серебристый с голубоватым отливом комбинезон, затягивающий все тело. Зеркальный материал выглядит так, будто его не на Земле выпускают, а где-нибудь не ближе Альфы Центавра. Блестит так, что в солнечный день ослепить может.

— Это... Это... — забормотал плюгавый.

— Вот и я о том же... — прокомментировал первый.

Что и говорить: первое впечатление я о себе уже создал, причем ни единого слова не произнеся.

— Что это такое?! — вышел из оцепенения солдат. — Ты тут надсмотрщик или ведро с ушами?! Что это... да кто это у тебя тут?

— Не могу знать! Мы за этого вот отвечали! — Плюгавый указал на Дита. — А этот, — палец теперь направлен на меня, — не наш он. В журнале не отмечен, не видел его никто. Не знаю, откуда взялся.

— А кто знает?!

— Не могу знать, но из наших вряд ли кто. Говорю же, он даже в журнал не записан, не бывает так Двери заперты и опечатаны по особому распоряжению заместника, открывать их строжайше запрещено. Кормить узника без разговоров приказано, парашу не выносить, держать до особого распоряжения. Печать на двери цела была, а она хранится у личного секретаря заместника, он как приезжает, из рук ее не выпускает. Так что вот... не знаю,

откуда этот мог появиться. Чудо какое-то, будто из воздуха возник.

Солдат, почесав в затылке дулом револьвера, решил за разъяснениями обратиться к первоисточнику. То есть ко мне:

— Эй ты! Кто такой?! Откуда тут взялся?!

Дат, видимо обидевшись, что его игнорируют, поднялся и тоном, не предвещающим собравшимся ничего хорошего, заявил:

— Он демон из глубин ада. Его зовут Леон.

— Ты-то что несешь?! — чуть не заорал солдат.

Дат указал на пол:

— Не переступите через границу пентаграммы. Она предназначена для вызова падших существ нижних слоев бытия, никто не знает, как контур отреагирует на простого смертного.

Солдат и надсмотрщик синхронно шагнули назад, второй при этом описал перед лицом округность и пробормотал:

— Владыка кругов земных и небесных защиты от южного зла слугу верного!

Солдат, молниеносно обернувшись к нему, рявкнул:

— Так ты из этих к тому же? Из блезов?!

— Что вы?! Ну как такое можно! К нам их на милю не подпустят!

— А чего тогда несешь их бред божественный?!

— Ну а как можно молчать, если сам демон во плоти стоит перед нами?!

— Да вы тут сговорились, что ли?!

— Ну сами поглядите, разве видели где-нибудь ткань такую? Нет в нашем мире подобного материала. И опять же — откуда он здесь взялся? А тут еще пентаграмма на полу, а все знают, что ее раскольники блезов рисуют, знак демонического покровителя это у них или что-то в таком роде. У нас их много пересидело, уж мы-то их порядки хорошо знаем. А еще сиделец этот уж очень непрост. — Кивок в сторону Дата. — Я вот не припомню, чтобы сам наместник такие строгие меры принимал. Ну неужели не видите, что простым человеком этот сверкающий быть не может?

— Привести второго! — рявкнул солдат.

— Кого? — не понял тот, который стоял в коридоре.

— Еще кого-нибудь из надсмотрщиков! Да бегом же!

Второй надсмотрщик от первого отличался лишь на совесть избитой рожей. А может, ранен был, лицо в кровавую маску превратилось. Наведя на него револьвер, солдат требовательно произнес:

— Отвечай правду, знаешь этого?! — Кивок в мою сторону.

Даже печальный внешний вид не скрыл эмоций бедолаги: вытаращился ошеломленно, медленно покачал головой:

— Не видел никогда. Уж такого бы точно запомнил. Откуда он здесь вообще взялся?

Вместо ответа солдат потянул спусковой крючок. Выстрел в замкнутом помещении ударил по ушам, к потолку пополз клуб дыма, ноздри защекотало от резкого сернистого запаха.

Нет, я все могу предположить, в том числе и невероятно изощренный розыгрыш. Но когда вот так, на моих глазах, у живого человека тяжелая пуля раскалывает череп, выплескивая его содержимое на крышку благоухающей параша...

Нет, это уже что угодно, но только не розыгрыш.

Револьвер уставился на первого надсмотрщика, странным, каким-то сладострастным

тоном солдат потребовал:

— Правду говори, кто этот человек? Откуда он взялся? Только вот не надо новые сказки про демонов. Отвечать быстро, без вранья.

— Но я же говорил! Не знаю! Не было его здесь, и непонятно, откуда взялся! Никогда такого не случилось! Помилуйте, печать же цела...

Второй выстрел. Рядом с первым, еще подергивающимся телом падает второе.

А теперь оружие направлено на меня, и убийца тем же неуместным тоном говорит:

— Эй! Говори, кто ты! Ты теперь знаешь, что я сейчас сделаю!

Да этот урод удовольствие от смерти получает. Садист нашел работенку по душе. Слюной захлебывается в предвкушении новой крови.

Моей крови.

В принципе обезоружить этого противника можно без большого риска. Револьвер тяжелый, держит он его в вытянутой руке, сам роста невеликого, а ноги у меня длинные и быстрые, так что шанс выбить резким ударом велик. Но разве это решит проблему? По коридору туда-сюда непрерывным потоком проносятся группы людей в той же форме. Не знаю, что здесь происходит, но понимаю, что при попытке напасть на убийцу мне придется иметь дело не с одним и не с двумя. Да я понятия не имею, сколько здесь может оказаться противников. Не удивлюсь, если за дверью целая армия при артиллерии, тот взрыв еще свеж в памяти.

К тому же людям моей профессии свойственно стремление преуменьшать применение насилия. Мы предпочитаем действовать тихо, спокойно и желательно без свидетелей. Хотя, должен признать, нынешняя ситуация для меня та еще новинка, и близко мимо подобной не проходил.

Посмотрев на своего потенциального убийцу таким взглядом, будто, потягивая пиво, люблюсь на проходящих мимо длинноногих девушек, ленивым голосом более чем уверенного в себе человека бросил:

— Кто я, ты уже знаешь. Так что давай, приступай, не отвлекайся, давненько я так не забавлялся.

Растерянно покосившись на револьвер, солдат с заметной опаской уточнил:

— Пули тебе не навредят?

— Если ты имеешь в виду меня, то, разумеется, нет. А если эту слабую оболочку, созданную для пребывания в верхнем мире, — я ткнул себя пальцем в грудь, — то, приведя в действие свой примитивный механизм, ты сможешь проделать в ней дыру. Только прекрати дрожать, ведь это может привести к промаху.

Странно, но человек, который только что не моргнув глазом отправил на тот свет двоих, с каждой секундой начинал выказывать все больше и больше признаков страха. Да он ведь боится до дрожи в коленках, причем боится меня. Трусишка суеверный, вот кто передо мной.

В демона поверил? Какая забавная наивность!

Ну что ж, раз жизнь человека здесь дешевле пули, надо и дальше придерживаться навязанной мне версии.

Глядишь, а вдруг демоны здесь ценятся куда дороже.

— То есть... То есть если я выстрелю, ты можешь умереть?!

Досадливо щелкнув пальцем, ответил в том же тоне:

— Твоя глупость, мелкий человек, начинает меня раздражать. Если меня призвали в этот мир лишь для просвещения тебе подобных, то лучше прямо сейчас отправляй обратно.

Вам нужен не я, а другой демон. Выберите кого-нибудь попроще. Сравнимых с вами по тупости, конечно, в нижних мирах не найти, но если поищите чуть повыше, на наших задворках, шанс встретить близкого по скудоумию есть.

— Шфарич! Как это понимать?! — рявкнули от порога.

Ба, да у нас новое лицо. И, судя по качеству формы и количеству блестящих висюлек на ней, рангом куда повыше убийцы. Военнослужащие и проститутки — две древние касты, которые, несмотря на всю цивилизованность, продолжают отчаянно цепляться за примитивные знаки отличия. Боевые вожди пещерных людей обвешивались с ног до головы морскими ракушками и клыками забитых самолично хищников, а отдающиеся за еду самки смазывали прически рыбьим жиром. Со временем клыки превратились в ордена и медали, вонючий жир эволюционировал до вызывающей косметики, но суть ничуть не изменилась.

Этот отличается от других: так же невысок, как и все, но телосложением гораздо хлипче. И кожа гораздо смуглее, да и в лице что-то азиатское. На индуса с примесью африканской крови похож, вот только глаза европейские, завидного синего цвета, что даже в скудном керосиновом свете не скрыть. Но при такой внешности выглядело это странно, если не сказать хуже.

Шфарич, приняв позу человека, проглотившего швабру, выпучил глаза так, что они едва не вывалились на пол, и рявкнул:

— Не могу знать!

— Что не ясно?! По какой причине ты здесь застрял?!

— Тут... — Голос Шфарича стал почти нормальным, глаза овечьими, а тело чуть расслабилось. — Господин капитан, тут... тут... ну... это... Тут демон, в общем.

— Чтооооо?!

Крик офицера будто кнутом подстегнул, миг заставив Шфарича вытянуться в прежнюю струну и выкатить глаза, после чего он бодро отрапортовал:

— Докладываю! В осмотренном помещении обнаружены двое: неизвестный нам заключенный и южный демон, вызванный при помощи пентаграммы. Оба выглядят странно.

— Это еще что такое?! — Офицер, похоже, только сейчас осознал, что вид у меня какой-то не такой, если не сказать больше.

— Докладываю! Вот он и есть демон!

— Демон?!

— Демон Леон, — Дат счел нужным представить меня более подробно.

Шфарич, опасаясь, что офицер может заподозрить его в розыгрыше, зачистил:

— Он появился в опечатанной камере. А печать хранится у секретаря заместника. Охрана про него ничего не знала. — Кивок в сторону трупов. — Хоть я спрашивал строго, видите сами. И одежды его странные. То есть нет, они вовсе невозможные, не виданные никем и никогда. Такой ткани не бывает.

Офицер вздохнул, расстегнул кобуру, вытащил револьвер, направил на меня:

— Отвечай, кто ты такой. Если будешь нести чушь о демонах, умрешь.

Тяжело сохранять спокойствие в обстановке непрекращающихся угроз, но я справился с собой, не выдав голосом всей глубины терзающих меня чувств:

— В вашем мире так много забавного, но дом мне как-то милее. Так что, пожалуй, не стану вас пугать последствиями, просто сделайте это — отправьте меня назад.

— Ты что несешь?! Кто такой?! Отвечать!

— Здесь уже столько раз меня представляли, так зачем же повторяться? Впрочем, мне

нетрудно повториться. Спрашиваете, кто я? Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.^[2] Ответ получен, так что не медлите, господин офицер, давайте уже.

— О смерти просишь? — в голосе военного проскользнули нотки удивления.

Это хорошо — любопытство человека неистребимо. Раз уж он заинтересовался, то меньше шансов, что спустит курок, прежде чем узнает ответ.

— Я разве говорил о смерти? Вижу, вы плохо знакомы с демонологией, так что нелишним будет вас немного просветить в этом вопросе. Существо нижнего мира может вернуться назад лишь в двух случаях: после того, как выполнит контракт с тем, кто его призвал, или при необратимом разрушении его временной материальной оболочки. Причем второй способ с подвохом, ведь, если тело было уничтожено неестественными причинами, виновник получает проклятие нижнего мира. Если виновных нет или у виновного нет души, проклятие получает демон. Последнее для нас категорически нежелательно, а первые два варианта подразумевают неизбежное проклятие чьей-то души. Ведь тот, кто заключил контракт с Тьмой, проклят по определению. Тот, кто помешал посланцу Тьмы выполнить контракт, занимает его место. Достаточно справедливое правило. Тот, кто меня вызвал, стоит перед вами. — Кивок в сторону Дата. — И он сам не знает, чего от меня хочет. Он не может разобраться в себе, и это недоразумение может затянуть мое пребывание в вашем мире. А ведь это каждодневный риск: землетрясения, бури, ураганы, да мало ли естественных причин могут навредить ничтожному телу? Так что я говорю не о смерти, а о выходе без потерь из запутанной ситуации. Надеюсь, теперь вам все понятно? В таком случае не будем задерживать друг друга, пора распрощаться.

Каждое слово этого монолога я произносил, наблюдая за реакцией человека, от которого сейчас зависела моя жизнь. И, замечая нотки сомнения, бил снова и снова в одну точку: не слишком грубо, но достаточно навязчиво намекая на некие проблемы мистического характера, которые неминуемо возникнут у него в случае убийства демона.

Зловещий антураж, загадка моего появления, поведение, не укладывающееся в рамки ситуации, спрятанные в подсознании суеверия и страх перед неведомым — все это разом свалилось на офицера, и рука его, еще минуту назад каменная, начала потеть и подрагивать под тяжестью револьвера.

Как истинный военный, он не стал долго колебаться, убрал оружие в кобуру, коротко рявкнул:

— Оставить в блоке двух часовых. Все остальные пойдут со мной. И этих, — указал на меня и Дата, — забираем с собой. Генерал сам разберется.

Все еще понятия не имею, как меня занесло в такую ситуацию, и куда вообще занесло — тоже не понимаю, но приятно признать, что дела мои начинают помаленьку идти вверх. Я наконец выбрался из донельзя запущенной расстрельной камеры — значит, уже не просто жив, а на один шаг ближе к свободе, какая бы она здесь ни была.

Пока что, правда, здесь никакой свободы не просматривается. Мне не доводилось бывать в тюрьмах, но точно знаю, что там, откуда я родом, они устроены куда более прилично, чем здешняя. Если бы меня попросили охарактеризовать это место одним словом, я бы, ни на миг не задумываясь, ответил: «Сырость».

Слизь в углублениях пола, пятна плесени на обшарпанных стенах и потолках узких коридоров, осклизлые деревянные решетки, время от времени преграждавшие нам путь. Впрочем, останавливаться не приходилось: у каждой нас ждали люди в одинаковой форме, заранее начиная звенеть связками тяжелых ключей. В одном месте возиться со скрипучим замком не пришлось: деревяшки были разнесены в щепки, кругом следы множественных попаданий пуль или осколков, витает запах гари и еще кое-чего, что напомнило о работе. Точнее, о той ее части, что связана со взрывами стенок сейфов и прочих преград.

Здесь не далее как несколько минут назад хорошо грохнуло, причем те, кто это устроил, в отличие от меня не задумывались о сохранности окружающего имущества, ослаблении шумового эффекта и прочем. Просто варварски разнесли возникшую на пути преграду и пошли дальше.

Были и другие следы недавнего боя, но самое грандиозное, что попало на глаза, ждало нас при переходе на второй этаж. Охрана в этом месте была куда серьезнее: никаких деревянных решеток, все из железа, пусть и ржавого. Двойные двери здесь тоже взорвали, причем не сэкономили динамит или что там у них было. Проход сделали, но вместе с этим обрушили часть лестничного пролета, так что нам пришлось пробираться бочком, искренне надеясь, что остатки ступеней выдержат.

Наверху коридор был посуше, но все равно мокрицы чувствовали себя как дома. Бесконечные ряды распахнутых дверей по обе стороны, в некоторых камерах на полу лежат мертвецы, в одной двое солдат кого-то били: усердно, но без огонька, будто занимаясь давно опостылевшим делом.

Навстречу показалась короткая процессия — пара солдат подталкивала вперед человека в изорванной форме надзирателя. Избит он был до такой степени, что ноги заплетались. При виде его офицер, который едва не стал моим убийцей, остановился, развел руки в стороны, издевательски-радушно протянул:

— Ба! Кого я вижу! Никак сам господин Дербеч?!

Надзиратель поднял заплывшее лицо, в затравленном взгляде промелькнула тень надежды. Бухнувшись на колени, взмолился:

— Господин Мушду! Помилуйте! Я ведь только приказ выполнял! Приказ дан был!

Вот я и познакомился с господином офицером, а то непорядок ни имени, ни фамилии так и не узнал. Что за люди? Никто не представляется, сплошная невоспитанность.

Мушду, подойдя к униженному пленнику, отвесил ему такую оплеуху, что тот не удержался на коленях, завалился на бок. Брезгливо сорвав белую перчатку, офицер откинул ее в сторону, процедив при этом:

— Этот кусок обезьяньего кала не расстреливать.

— Спасибо!!! — радостно взвыл избитый, потянувшись к сапогам спасителя с явным намерением их облобызать.

Увы, он поторопился с позитивными выводами, потому что Мушду еще не закончил речь. Пнув несчастного так, что у того зубы посыпались, добавил:

— Пулю он не заработал, так что в петлю его. Прямо в воротах вешайте, хочу, чтобы генерал это увидел.

— Так точно! Будет исполнено!

Без суда осужденного потащили к месту казни, а мы продолжили путь под его истошные вопли.

Чем далее, тем все более и более становилось очевидно одно: цена человеческой жизни в этом месте серьезно занижена. И если я благодаря личному обаянию сумел избежать пули, это не означает, что все плохое уже позади, эти люди очень опасны. И опасны не только своей жестокостью, а тем, что жестокость их непонятна. По некоторым косвенным данным я пришел к выводу, что на тюрьму они напали с целью освободить кого-то из своих. Но зачем же при этом убивать всех направо и налево? Те же надзиратели не походили на злостных палачей. Хотя откуда мне знать...

Мушду, обернувшись, придавал лицу грозное выражение и прошипел:

— При генерале рот не раскрывать! Вести себя уважительно! И вообще не попадаться на глаза лишний раз!

Что он всем этим хотел сказать, не совсем понятно, но одно очевидно — к генералу следует относиться со всем возможным уважением. Ну так я и не собирался начинать испражняться у всех на виду, чего это Мушду именно на меня таращился при этих словах? Боится, что я испорчу воздух сернистым газом или мгновенно рога отращу?

Впереди не пройти, там целое столпотворение. Десяток с лишним солдат и офицеров устроили пробку в узком коридоре. Один копался в замке все еще запертой камеры, остальные наперебой засыпали его советами, отчего бедолага бестолково суетился.

— В чем дело?! — еще на подходе рявкнул Мушду.

Один из офицеров, обедненный висюльками, что намекало о низком ранге, бодро, но без подобострастия, как у Шфарича, доложил:

— Господин капитан: кто-то испортил замок камеры генерала, пытаемся ее открыть!

— Да сколько можно возиться?!

— Но замок... он сильно испорчен!

— Это ты генералу скажешь, когда он оттуда выйдет. Вся тюрьма наша... ну почти, а вы тут так и копаетесь! Долго еще?!

Солдат, возившийся с замком, перепуганно ответил:

— Не знаю. Тут не понять ничего. Я думал, они что-то в замочную скважину закинули, отчего механизм заклинило, но тут что-то другое. Не знаю что, не видел никогда такое. Я проворачиваю его легко в обе стороны, но дверь не открывается.

Мушду, сжав кулаки, обернулся, уперся в меня взглядом. В глазах его что-то промелькнуло, он с насмешкой произнес:

— Демон, может, покажешь нам свою силу? Это всего лишь дверь, и ее надо открыть.

Вот честно признаюсь: лучшего кандидата на такую работу он среди присутствующих выбрать не мог. Сужу об этом на основании кратких наблюдений за действиями местного взломщика. Он даже не дилетант, он вопиющий позор всей нашей профессии. Надеюсь все

же, что он не вор, а просто первый подвернувшийся под руку. Остальные ротозеи ничуть его не лучше, так что выбор был невелик.

Но бросаться пахать целину по первому намеку — это не мое амплуа. Потому, придав лицу заинтересованное выражение, уточнил:

— Я правильно вас понимаю, господин Мушду? Вы предлагаете мне контракт? Я открываю дверь, а взамен получаю от вас кое-что интересное для тех, чьи имена здесь лучше не называть?

Насмешку сдуло с Мушду тропическим ураганом. Офицер затряс головой и даже попятился:

— Я такое не говорил! Никакого контракта не будет!

Да он все больше и больше меня боится. То есть боится, конечно, своих подавляемых суеверных страхов, но и мою роль в этом спектакле не надо недооценивать. Зрители попались неискушенные, здесь не надо быть талантливым актером, сойдет и грубая игра.

Может, зря я в воры подался? Может, Голливуд и все остальные понесли невосполнимую утрату?

— Не надо так волноваться, я легко перенесу отмену контракта. Но вы все же подумайте на досуге, кто знает, какие сокровенные желания найдутся. — Я по-доброму подмигнул все более бледнеющему офицеру.

Вот сейчас его уже с индусом не перепутаешь — вылитый эскимос, к тому же ни разу не загоравший.

— Впрочем, господин Мушду, я все же открою эту дверь. Примите это как искренний намек на наше дальнейшее весьма плодотворное сотрудничество.

Взгляд мой стал как у питона в тот момент, когда он собирается распахнуть пасть перед загнипнотизированным кроликом. На деле я не собирался запугивать суеверного офицера сверх всякой меры, просто не было сил смотреть, как издеваются над честным замком. Если все взломщики здесь такие, без работы я точно не останусь.

Прикасаться лишний раз к здешнему грязному железу не хотелось, и я попросил солдата:

— Проверните, пожалуйста, замок до отказа влево. Я сказал влево, а не вправо. Вот так уже лучше.

— Но она все равно закрыта, — проблеял криворукий неудачник.

— Разумеется, — кивнул я. — Здесь ведь две системы защиты: замок, который вы столь долго истязали ключом, и встроенный засов.

— Засов?

— Да, всего лишь примитивный засов.

С этими словами я потянул на себя рычаг, который эти недалекие люди считали скорее всего дополнительной ручкой. При этом пояснил:

— Разумная система: срабатывает быстро, изнутри уже не открыть и в отличие от простого накладного засова закрывается быстрее и с усилием. Если в камере возникнет проблема, надзирателю достаточно выскочить, прикрыть дверь и сделать одно движение. После уже можно не спеша и без риска возиться с ключом. Здесь, как я обратил внимание, во многих камерах так устроено. Странно, что никто из вас не заметил.

Обернулся к Мушду, подмигнул:

— На этот раз бесплатно. Считайте маленьким задатком.

Офицера передернуло, но в тот же миг и его лицо, и лица всех остальных, исключая мое

и Дата, превратились в каменные маски. Военнослужащие застыли по стойке «смирно» и, очень похоже, даже дышать перестали.

И это лишь потому, что дверь камеры распахнулась.

Уж не знаю, что они там собирались увидеть, а лично я ничего такого уж страшного, требующего идеальной дисциплины, не заметил. Разве что позавидовал внутренней обстановке. Там, может, и сыровато, но имелась койка с матрасом и даже почти чистым на вид бельем. И стол стоял, и два стула со спинками, а не какие-нибудь табуреты. И даже полка с книгами имелась.

Умеют ведь некоторые даже сидеть с комфортом, не то что психованный Дат.

За порог ступил единственный обитатель камеры. Пропорциями тела он походил на кряжистого Шфарича, но размерами его серьезно превосходил. До него на всех здешних обитателей я смотрел сверху вниз, но сейчас глаза наши оказались практически на одном уровне. Ну разве что на сантиметр-другой мои повыше. Но уж Дату до него далеко, а раньше даже с ним никто здесь не мог сравняться.

Но не габариты тут главное, а... Даже не знаю, как сформулировать, но с первого взгляда понятно, что это очень сильный человек. И речь здесь идет не о физической силе. Харизма, как говорится, так и прет. Грубое лицо будто небрежно высечено из камня, взгляд такой, будто не человек смотрит, а всесокрушающая буровая установка. А если вспомнить, что глаза — зеркало души, то душа у генерала куда беспощаднее, чем у воинства, что заявилось за ним в эту тюрьму.

— Генерал Грул, ждем ваших приказаний! — доложил Мушду.

Здоровяк не стал затягивать с ответом, рывкнув так, что чуть уши не заложило:

— Болваны! Какой от вас толк, если вы простейший замок открыть не могли?!

— Но...

— Молчать, когда вас не спрашивают! Хочу видеть, кого вы привлекли для такой работы? Наверняка тоже дурак, но в сравнении с вами он просто редкий гений! Показать!

Мушду, прикрывая меня собой, даже на цыпочки поднялся, но тут делать было нечего, пришлось отойти на шаг, показать пальцем, доложить все тем же солдафонским тоном:

— Вот он!

Грул единственный, кто при виде меня не вытаращил глаза от великого удивления. Чуть приподнял бровь, задал уточняющий вопрос:

— Это что еще за чучело?!

— Он... — Офицер на миг замаялся. — Этот человек называет себя южным демоном. Имя его Леон, если не врет. Был обнаружен в специальном блоке вместе с этим, — указал в сторону Дата. — Надзиратели заявляли, что в камере он сидел один, а откуда взялся этот блестящий, не знают. В камере также обнаружена пентаграмма, с ее помощью якобы и был вызван демон.

— Не знаю, кто этот мошенник и откуда взялся, но то, что он поумнее вас, это Понятно. Я не о замке говорю, болваны вы мои, а о том, что этот малый ловко обвел вас всех вокруг пальца. У него, должно быть, есть основания скрывать от нас свою личность, вот и придумал с перепугу сказку. Хотя надо признать, что держится без видимого страха. Эй ты! Демон Леон! Согласен, что мои люди те еще болваны?!

— Целиком и полностью, — мгновенно ответил я. — И дело даже не в забавной истории с запертой дверью, а во многом другом.

— Например?

— Ну... я странно одет, но помимо одежды у меня есть и другие вещи, — продемонстрировал рюкзак. — А ведь среди них может быть бомба, и я могу оказаться тем злодеем, который должен вас лишить жизни.

Мушду отпрыгнул в сторону, будто ошпаренный, молниеносно выхватил револьвер.

— Стоять! — рявкнул ему генерал. — Болван! Приказа расстрелять пока не было! — Обернулся ко мне, растянул губы в неприглядной улыбке, будто сосиску на сосиску положили в хот-доге: — Вот с такими людьми приходится служить, уже устал с ними бороться.

— Вы сами подаете им дурной пример.

— Вот как? И чем же?

— Мне кажется, у вас сейчас достаточно непростой период в жизни, а вы тратите бесценное время на разговоры ни о чем. Ведь чем, по-вашему, вы сейчас занимаетесь?

Грул оказался достойным противником:

— Ну так ты занимаешься тем же самым: ведешь разговоры ни о чем в тот момент, когда жизнь твоя, очень может быть, отсчитывает свои последние минуты.

— Не могу с вами не согласиться. И я в куда более смешной ситуации: вот уже час в этом мире, а у меня до сих пор нет контракта. Скоро это перестанет забавлять.

Генерал как-то вдруг потерял ко мне всякий интерес, указав на Дата:

— Вот этот шут вызвал демона?

— Так точно! — ответил Шфарич. — Заключен по личному распоряжению наместника! Сидел без имени, под номером!

— Имя?!

Дат гордо выпрямился:

— Даатлькраас Таальчи Сиссарис из дома Ташшани, мастер душевного порядка, врачеватель заблудших душ, адепт Церкви Последнего Порядка, отрекшийся страж канона, смотритель за сущим, следящий за сущим, рожденный для...

— Молчать! — Лицо Грула аж перекопилось, видимо, он тоже не любил длинные имена. — Ты! Бегом разузнал про этого говоруна все, что можно. — А Леона пока в мою камеру, и никому с ним не говорить до моего распоряжения. Потом разберемся, ведь в одном он точно прав: мы тратим время непонятно на что, а его у нас немного.

И вот я опять в камере, все так же далеко от свободы, как и прежде. И то, что новое узилище комфортабельнее прежнего, не радует.

Может, я и в самом деле разбился тогда и теперь пребываю в специальном аду, предназначенном для воров? И обречен здесь отбывать вечное заключение практически ни за что, так, мелочовкой баловался.

Тоже вариант.

Окошко на двери распахнуто, за ним маячит физиономия часового. Тот, к сожалению, слишком ревностно относится к службе, что очень затрудняет план побега. Как покинуть помещение с одним выходом, да и тот заперт, я пока не знал, но то, что делать это надо как можно быстрее, — очевидно. Достаточно вспомнить красноречивый взгляд генерала. Он, похоже, тот еще душегуб даже на фоне всех своих убийц, а я непонятный для него фактор, что для простой солдатской души недопустимо. Один выстрел, и больше никаких вопросов. Обмануть такого намеками о проклятии для демоноубийцы попробовать можно, но неизвестно, сработает ли такая наивная сказка еще раз. К тому же ему необязательно самому марать руки, может просто отдать приказ, в армии для того и введена система званий.

Можно, конечно, хитро вернуть пункт, где проклятие падет не только на исполнителя, но и на заказчика. Однако тут пары намеков может оказаться недостаточно, и вообще обстановка весьма нервная, я не могу нарадоваться на то, что мне позволили рот открыть и даже пространно высказываться. Но все очень быстро может измениться, тем более что пули тут не экономят.

И еще непонятно поведение генерала. Точнее, то, как он себя повел в самом конце, когда потерял ко мне интерес, почти полностью переключившись на Дата.

Что это на него нашло? Попробуй пойми толстокожего вояку непонятной мне армии, к тому же воюющей неизвестно где.

Рюкзак эти сволочи забрали, а это очень плохо, ведь там немало дорогих мне вещей. Глядишь, и помогли бы отсюда выбраться. Кое-что осталось под костюмом, но это жалкие крохи.

От нечего делать присел за стол и взял с полки первую попавшуюся книгу. Увы, облом полный. Дат говорить меня научил, а вот насчет чтения не подумал. Угловатые закорючки, никогда подобных не видел. От нечего делать попытался пересчитать, оказалось двадцать восемь видов. Небогатый алфавит, да и по языку понятно: на таком не стихи о неземной любви писать, а военные команды отдавать.

А ведь тот язык, на котором вначале общался Дат, куда приятнее для слуха и сложнее по конструкции. Нелегко, должно быть, столь разным народам уживаться.

Где-то дважды бабахнуло, похоже, работала винтовка, следом затрещало часто из разных стволов. По коридору прогрохотали подкованные сапоги, мимо камеры, похоже, в большой спешке промчалось несколько солдат. В тюрьме продолжается веселье, но меня к нему не подпускают.

Снова шаги, но уже не такие торопливые: люди идут, а не бегут. Часовой начинает бодро докладывать. Все понятно — появился кто-то из офицеров. Лязг замка вызывает сожаление, что я помог с ним разобраться. Глядишь, сиди Грул и дальше, у меня было бы куда больше шансов улизнуть.

Ну не нравится мне моя нынешняя компания. Очень не нравится.

Мушду, первым зайдя в камеру, скомандовал:

— К стене!

Я и шелохнуться не успел, как показавшийся следом Грул рявкнул:

— Отставить, пускай сидит! И дверь закрыть! И не подслушивать!

Мушду, Грул, Дат и я — какая милая компания! Вот к чему нам столь интимное уединение? Или здешним воякам и правда больше нечем заняться?

Генерал уселся на второй стул, так что Мушду с Датам остались стоять, ни тот, ни другой не рискнули использовать койку. Не понимая, что все это значит, я лишь иронично улыбался, делая вид, что с интересом читаю все ту же книгу.

Грул молчал около минуты, сверля меня неподвижным взглядом. Но я на такие примитивные методы психологического давления не реагирую. Неспешно пролистнул страницу, покачал при этом головой, будто удивляясь затейливости автора.

Игра в молчанку генералу надоела:

— Интересно узнать, что такое презабавное ты отыскал в справочнике налоговых льгот, предоставляемых жителям Западной Реулы?

Блин, ну кто же мог подумать, что это не захватывающий бестселлер с драками, погонями и роковыми красотками в укороченных красных платьях. Остается поблагодарить небеса, что хоть держал не вверх тормашками. Надо как-то срочно выкрутиться. Как? Ну если хочешь соврать правдоподобно, желательно не сильно отдаляться от правды:

— Видите ли, генерал, должен признать, что я не знаком с вашим письменным языком. Но кое-какое представление уже получил от одного созерцания букв, порядка их в словах, постановке фраз и прочем.

— И вас это позабавило?

— Забавное можно отыскать во всем.

— Ты, Леон, для демона слишком уж неграмотен. Или тебе так не кажется?

— И вновь вынужден согласиться: да, я далеко не всеведущ. Но у меня есть оправдания для невежества: слишком много миров, слишком много народов и не похожих ни на что другое наречий. Даже примитивных языков столько, что нужна вечность для их изучения, а ведь я еще очень молод.

— И сколько тебе? Впрочем, не отвечай, и так знаю, что ответишь: два-три миллиона, сам дескать уже не помнишь точно.

— Вы поразительно догадливы.

— Мне такое уже говорили. И кстати, Леон, знаешь, почему ты до сих пор не расстрелян? Нет, вовсе не из-за смешных баек на тему страшных проклятий, их ты оставь для нашего суеверного Мушду. Вон, ему самому стыдно, краснеет, будто девица, перепутавшая сортиры. Вроде из славной семьи, родители давно цивилизованны, но осталось в их простом народе что-то дикарское, неистребимое, вот и всплывает иногда. Ты, Леон, жив по нескольким причинам, и вот одна из них.

Генерал положил на стол телефон. Трубку, что прежде лежала в рюкзаке. Ранее она была выключена, как и полагается на моей непростой работе, но сейчас дисплей светился, картинка на нем требовала ввести код.

— У тебя, Леон, много странных вещей отобрали, но эта меня почему-то заинтересовала сильнее всего. Хотя что значит почему-то? Ясно почему. Точнее, неясно. Неясно то, для чего эта штука вообще нужна. Не прояснишь ли?

Ну сейчас я этим одноклеточным покажу, что значит передовые технологии. Взяв телефон, ввел четырехзначный код, дождался, когда отыграет музыка, навел камеру на генерала, сделал снимок, показал результат:

— Никого не узнаете?

— Да это же я, и будто живой... Никогда не видел таких фотографических камер, да и цветных фотографий тоже.

Усмехнувшись, я покачал головой:

— Это не совсем камера. Минутку, продемонстрирую еще кое-что.

На этот раз я снял ролик. Совсем простенький, «Оскара» за такой вряд ли получу: надменную рожу Дата и постную физиономию Мушду, заинтересованная морда генерала, спартанская обстановка камеры. Прокрутил снятое Грулу, после чего даже на этом вырубленном пьяными дровосеками из дубовой колоды лице проступило нечто вроде удивления:

— Живые фотографические изображения. Да еще и цветные.

— Не только, звук тоже фиксируется.

Солдафон всегда остается солдафоном, вот и этот тут же уточнил самое важное:

— А можно на эту штуку запомнить расположение вражеских войск?

— Конечно, — радушно произнес я и вкрадчиво добавил: — Эту милую безделушку изобрели в мире, жители которого в силу некоторых причин решили стать нашими рабами. Они талантливы в разной технике, хоть и глупы, такой вот забавный парадокс их цивилизации.

— Так это просто игрушка? Что-то вроде фотографической камеры?

— Не совсем. Все то, что видит глаз этой штучки, могут видеть и мои неназываемые покровители.

— Неназываемые?

— Ну у нас, как и везде, свои обычаи, и я вынужден их придерживаться. К тому же один возраст неназываемых уже заслуживает уважения.

— У тебя, как мы уже поняли, полный мешок таких забав. Как-то странно для демона, они ведь вроде должны обходиться без помощи предметов.

— А много ли вы знаете про демонов? Я вот почти сразу понял, что в этот мир мои коллеги очень давно не заглядывали.

— Тут ты, может, и прав. Ну напomini нам, темным и глупым: действительно вы можете любое желание исполнить, что бы ни пожелали?

— Гнусная ложь, мы не рабы чужих желаний. Мы лишь оказываем разнообразные услуги в пределах некоторого лимита.

— Лимита?

— У каждого носителя души есть что-то вроде кредитной линии, в рамках которой мы можем с ней работать. Исчерпает лимит, и наше сотрудничество прекращается.

— То есть демон возвращается к себе домой?

— Да, таковы правила.

— Получается, этот, — генерал указал на Дата, — вызвал тебя, и теперь ты будешь на него работать пока э... он не перестанет быть платежеспособным?

— Именно так.

То, что этот мир жесток, я уже подозревал, и не без оснований. Но мне стоило огромного труда не сбросить маску насмешливой невозмутимости после того, что

последовало далее.

Генерал достал из рюкзака мой недавний трофей — малогабаритный пистолет-пулемет.

— С этим предметом мне все ясно, чем-то похоже на те штуковины, которые видел на последней индустриальной выставке. Вот только не совсем пойму, как им пользоваться. Генерал протянул оружие рукояткой вперед.

Чувствуя затылком наставленный сзади ствол револьвера, сжимаемого твердой рукой Мушду, любезно ответил:

— Понимаю, военные во всех мирах одинаковы.

Взвел, поставил на одиночный огонь, а то мало ли, протянул назад:

— Осторожнее, спуск куда легче, чем у ваших грубых револьверов.

Грул, покрутив оружие в руках, молниеносным движением направил его на Дата. Треснул оглушительный в замкнутом помещении выстрел, несчастный сокамерник повалился без крика, забрызгав красным стену позади. Пуля угодила в левый глаз и вышла из затылка, вряд ли он успел что-то понять. Генерал, невозмутимо хмыкнув, понюхал слабо дымившийся ствол, протянул оружие мне:

— Держи. У него и правда легкий спуск. Да и пуля слабовата, как по мне, армейский револьвер при таких попаданиях полчерепа сносит. Ах да, и у нас тут возник неожиданный нюанс: того, кто призвал демона, больше нет, а из разговора с этим шутком я понял, что нормальный контракт вы заключить не успели. Все верно?

Ответить словесно я не смог: уже не первая гибель за последний час, но удерживать маску, как и прежде, было невыносимо трудно, ведь как-никак, а ближе Дата у меня здесь никого не было. Молча кивнул.

— Вижу, демон, что ты хоть и сдерживаешься, но случившееся тебе не сильно понравилось. Так вот, поспешу тебя обрадовать: ничего не изменилось, все остается по-прежнему. Для тебя лично не изменилось. Простая смена заказчиков, не более. Теперь ты будешь работать на мои желания, только и всего. У меня впереди очень много дел, и некоторые не так просто провернуть, так что, демон ты или мошенник, будешь кстати. И по поводу лимита: он будет очень широким, ты даже не представляешь мои возможности. Эти души, которые вы требуете в оплату: их можно брать насильно, не сильно спрашивая хозяев? Это я к тому, что у нас есть меры убеждения, которые...

— Нет, — перебил я. — Контракт добровольен, насилие, принуждение к решению — все это недопустимо, так как может стать основанием для аннулирования.

— Я вообще не верю в бизнес по продаже душ, до сегодняшнего дня, как и все, считал, что это пустое дикарское суеверие. Но теперь вот появились некоторые сомнения... Все равно думаю, что ваше адское племя что-то в этом вопросе хитрит, но если и не так, то заплатить можно не только моей. Люди, которые за мной идут, готовы пожертвовать всем, безо всякого принуждения. Ты получишь столько, что унести не сможешь... демон Леон. Или можешь прямо сейчас освободиться от этого тела, Мушду уже устал держать револьвер. Так как тебе такой контракт?

— Я получаю вашу нематериальную сущность и нематериальные сущности ваших подчиненных, причем на добровольной основе. Взамен обязуюсь выполнять ваши пожелания в пределах платежеспособности. Все верно?

— Точно сказано, ничего лишнего. И добавлю еще: теперь именно я позабочусь о том, чтобы ты вернулся в свой ад нормальным путем, как у вас принято. Я ведь правильно все понял? И забудь уже про Дата, он, похоже, сам не понял, каким образом тебя вызвал, мы

успели хорошенько пообщаться на эту тему. А вот я пусть и не понимаю в этом ничего, но догадываюсь, где можно найти нужных тебе умников. Однако хотелось бы знать, что именно мы получим взамен.

— Вы же сами сказали — выполнение ваших пожеланий.

— Мы, Леон, не имеем понятия, на что ты способен. Вот скажи: можешь за мгновение переместить меня и мой отряд за границу провинции?

— Это не так уж сложно, но, боюсь, ваша платежеспособность на такое не рассчитана.

— Мы так дешево ценимся?

— Нет. Просто тут вопрос не материальных ресурсов, а чуда. Чудеса в таких материалистических мирах, как ваш, бесценны, здесь куда выгоднее действовать привычными вам способами, не вызывая чрезмерного удивления. К тому же рекомендую при формулировке пожеланий сводить мою роль к минимуму, это тоже позволит вам сэкономить. И еще следует учесть, что у нас, у демонов, своя классификация. Этот, — я указал на тело Дата, — прибегнув к ритуалу вызова, попросил прислать вора. Моя специализация именно такова, занят я не был, вот и оказался здесь. В принципе мне доступны и другие амплуа, но наибольший профессионализм я проявляю лишь в главном.

— Для чего ему понадобился именно вор?

— Это надо спрашивать у него.

— То есть ты можешь украсть ботинки на ходу, но если потребовать что-то другое, могут возникнуть сложности?

— Именно так. Но опять же все упирается в платежеспособность, ведь в случае, если нам это будет интересно, возможна помощь от других существ.

— Понятно. Тогда давай так. Опишу тебе обстановку. Очень кратко. Мы находимся в Троге — самой страшной тюрьме провинции. В подвалы и нижние этажи свозят народ лишь для одного — чтобы как можно быстрее подошли. Мои верные солдаты взяли ее штурмом, но орешек оказался слишком крепок, да и на подходе случились стычки с инсургентами, понесли большие потери. Но они успели, еще бы час-другой, и поздно. Агенты Директории уже здесь, и прислали их именно за мной. Теперь я свободен, но не совсем: из этого болота лишь одна дорога, и на ней находятся мятежники. Их отряды кишат повсюду, мы в окружении. Вырваться отсюда с оставшимися силами не получится. У нас даже не хватит солдат, чтобы отбиться при штурме, к тому же ворота и стены повреждены взрывами. Если останемся здесь, то завтрашний день не переживем. Надо уходить. Ты все понял, Леон?

— То есть вы хотите, чтобы я вывел вас из этой ловушки? — непринужденно уточнил я, неистово надеясь на отрицательный ответ.

Задание явно не по моему профилю.

— Нет, Леон, я очень внимательно слушал твои затянутые выступления и хорошо понял две вещи. Если ты не мошенник и говоришь правду, то мне следует продумывать поручение тщательно, оставляя для тебя незначительную, но трудновыполнимую для меня задачу. И очень желательно, чтобы задача эта так или иначе сводилась к воровству. Потому мой первый тебе приказ прост: укради дирижабль. Тебе не придется даже его искать, он рядом, на крыше главного блока.

Мне много чего доводилось воровать: подлинники великих картин, жесткие диски с очень нужной кому-то информацией, коллекции марок и даже образец нижнего белья давно скончавшейся звезды шоу-бизнеса (на заре своей славной карьеры я брался почти за любые занятия, вот и тогда не стал крутить носом). Заниматься транспортными средствами, да еще

такими, не доводилось, не та специализация. Было, правда, одно исключение, но там речь шла о чистокровном жеребце, а он совершенно не походил на дирижабль. Но это не помешало с самым невинным видом уточнить:

— Это все? На редкость простое задание.

— Ты, наверное, задаешь себе вопрос: почему мы сами это не провернем? Не провернем по простой причине — дирижабль этот прислали за мной, именно на нем прилетели агенты. И сейчас эти мерзавцы перекрыли единственный путь наверх. Штурмовать дверь в лоб — это большие потери, и не уверен, что результат окажется в нашу пользу. Слишком мало у нас людей. Прodelать проход взрывом опасно, дирижабль накачан горючим газом и может вспыхнуть от одной искры. Так что все надо проделать аккуратно.

— То есть вы хотите отсюда улететь, но по-хорошему дирижабль не отдадут, а по-плохому можно остаться без него.

— Вот именно. Для нас лучший выход — улететь. Блезы могут хоть десять раз нас окружить, им достанется пустая тюрьма. И это хорошо, так как иначе мне бы пришлось пустить пулю в лоб. Никому не захочется повторить судьбу полковника Тонака. Этот уважаемый офицер имел неосторожность попасть в плен к религиозным фанатикам. Для начала они ему переломали ноги и руки, а затем прибили гвоздями к стене товарного вагона, после чего в таком виде провезли от Майру до Ташиба, где, еще живого, сунули головой в паровозную топку. Даже не знаю, что они придумают, попадись к ним я. О! Леон, а ведь если они поймут демона, им придется не один день придумывать, каким образом обставить его возврат в нижний мир. Смерть Тонака будет выглядеть детской забавой в сравнении с вашей. Так что не медлите, вам дирижабль нужен ничуть не меньше, чем мне. Кстати, это обстоятельство открывает предмет для торга, не правда ли? Ведь вы не столько на меня работать будете, сколько на себя. Но меня сейчас больше волнует другой вопрос: а не трачу ли я время попусту, общаясь с хитрым мошенником? При всех ваших загадках, все же не могу отделаться от таких мыслей. И потому не буду торговаться сейчас, давайте условимся, что это не просто задание, а проверка. Проверка ваших способностей. Приступайте, Леон.

Про дирижабли я знал только одно — они летают. Да и это лишь теоретическая информация: трогать их или хотя бы видеть воочию ни разу не доводилось. Ну непопулярны они в мои времена, не вписались в прогресс, хотя кое-где до сих пор используются.

Но уж точно не такие. То, что я увидел здесь, напоминало оторванные от реальности мультфильмы или в лучшем случае фотографии первых, не вполне удачных изобретений. Дирижаблестроение на Земле быстро пришло к идее жесткого каркаса для баллона. Здесь до этого еще не додумались, но уже поняли, что обычный воздушный шар с мотором — не лучшая идея. И потому пародию на каркас все же создали, но только был он не из дерева или металла, а веревочным. Из тросов связали что-то вроде сильно удлиненной сумки-«авоськи», в нее поместили оболочку, после чего накачали газом. Раздувшись в плену сетки, она стала напоминать колбасу в обвязке. В общем, ничуть не похоже на стройные конструкции наших «цеппелинов».

Но и это еще не все. Гондола здесь болталась на тех же тросах, будто на обычном воздушном шаре. От нее к оболочке тянулись десятки растяжек и веревочных лестниц, все это добро опиралось на несколько изогнутых дощатых распорок. В итоге конструкция напоминала перевернутый вверх тормашками древний корабль, только парусов не хватало. Лишь два деревянных пропеллера выглядели чем-то более современным, правда, длинные грубые ременные передачи к коробу, где, очевидно, скрывался двигатель, выглядели анахронизмом.

Дирижабль болтался в нескольких метрах над крышей, удерживаясь на ней при помощи нескольких оттяжек. Ночь была безветренной, но его туша подрагивала, казалось, запертый в плену баллон пытается выбраться из тесноты «авоськи». Я смутно помнил, что подобные аппараты должны причаливать к специальной мачте, но ее здесь в помине не было.

— Неужели это убожество летает? — не смог сдержаться от глупого вопроса.

Шфариц, хладнокровный убийца, приставленный ко мне помощником, сплюнул омерзительный комок какой-то массы, которую до этого долго пережевывал, и недовольно признал:

— Еще как летает. Хитрая штука, поймать бы того, кто ее придумал, и голым задом на термитник усадить. Даже против ветра идти умеет. Только падают они тоже часто.

Его недовольство понятно, ведь в случае успеха моей миссии ему придется на практике узнать, насколько безопасны эти шуковины.

Как, кстати, и мне.

Главный блок тюрьмы представлял собой пятиэтажное каменное здание, связанное с другими блоками закрытыми переходами. Никаких архитектурных излишеств не наблюдалось: вместо окон какие-то щели, да и то далеко не во всех камерах; несмотря на приличную высоту постройка выглядела приземистой, будто на нее давила собственная масса. При свете многочисленных красноватых ламп можно было разглядеть высокую стену из того же материала, что и все сооружения. Именно за ней собираются какие-то мрачные братья-блезы, имеющие привычку засовывать людей в паровозные топки.

Кроме ламп были и другие источники освещения. А именно: богатое на звезды ночное небо и две луны на нем. Одна такая же омерзительно-красноватая, как творения местного Эдисона, на ее лике темнела изломанная, расширяющаяся к краю щель — может, просто

пятно отличных от окружающего фона пород, а может, трещина. Из-за этой структуры спутник походил на колобка-маньяка со щерящейся пастью или на тыкву, превращенную в голову монстра на День Всех Святых, если смотреть на нее в профиль.

Вторая Луна от привычной отличалась лишь меньшими размерами, но это могло оказаться всего лишь обманом зрения.

Все меньше и меньше похоже на розыгрыш. Не такая уж я важная персона, чтобы ради введения меня в заблуждение на небо поместили новый спутник. Так что остается или бред, или реальность.

Но реальность уже другая, непонятная и чертовски пугающая.

С тоской покосился в сторону стены. Там, за ней, вроде бы свобода. И там же затаилась банда фанатиков. Не моя территория, и команды поддержки за мной сейчас нет. А вот они у себя дома.

Так что свободой для меня там пока что даже не пахнет.

Ладно, вернемся к нашим делам. А именно: мне надо очень срочно и без посторонней помощи кое-что украсть. Не скажу, что работка лишена всякой оригинальности, но, в общем-то, принципиально ничем другим от с успехом выполненных дел не отличается.

Что бы ты ни крал, надо помнить о самых простых, изначальных вещах. Прежде всего изучи все, что сможешь, о месте, где хранятся нужные тебе ценности. Обеспечь скрытный подход. Любой свидетель — зло, но убийство грех и может выдать лишним шумом, так что насилие оставь на самый крайний случай. Ну и далее по списку.

Итак, что я знаю о месте? Это крыша тюремного блока, попасть на нее можно лишь одним путем — по узкой лестнице с пятого этажа. Наверху ее перекрывает массивная дверь, в данный момент она открыта, и засевшие в проеме агенты поливают свинцом все, что появляется в их поле зрения. Особенности архитектуры в том месте таковы, что накинуться на них неожиданно и крупными силами не получится. Применить взрывчатку для уничтожения засевших агентов или проделывания дополнительных проходов через крышу рискованно: баллон накачан водородом, можно лишиться дирижабля. Учтя эти обстоятельства, генерал Грул вынужден был отказаться от столь милого каждому вояке силового варианта решения задачи.

Не поверив солдафонам, я обошел здание по периметру, укрываясь от взглядов возможных наблюдателей. Но никаких дополнительных лестниц не заметил. Тут, похоже, о жизни узников беспокоились куда меньше, чем о возможности их побега, ведь в случае пожара блок превратится в раскаленную духовку, из которой далеко не все успеют выскочить.

Ну что же, с этим местом почти все ясно. Пора подумать о следующем шаге. А именно обеспечить скрытный подход к предмету кражи.

— Шфарич, дело есть.

— Что?

— Мне нужно, чтобы вон те и те лампы перестали гореть.

— А?

Похоже, вопрос непостижим для микроскопических мозгов, потому пришлось снизить до разъяснений:

— Вы, как я понял, люди войны, следовательно, среди вас обязательно имеются хорошие стрелки. Один человек с винтовкой может легко и быстро все устроить.

— А, ну понял. Так я сейчас скажу, их быстро перещелкают.

— Стоять! Шфарич, есть куда более простой способ: найдите кого-то из живых

надзирателей и спросите, как выключить уличное освещение. И на крыше тоже ни одной горячей лампочки не должно остаться.

— Так там всего одна и есть, да и та с краю.

— Вот о ней я и говорю.

К нам подбежал запыхавшийся солдат, скороговоркой доложил:

— Агенты Директории предложили генералу Грулу сдаться. Они обещают быстро вывезти его отсюда и спасти от Братьев. Он говорит, что может устроить с ними переговоры, отвлечь, вдруг это поможет.

— Передайте ему, пусть ведет, — согласился я.

Отвлекутся агенты или нет, а генералу точно будет чем заняться. Может, тогда перестанет придумывать все новые и новые комбинации, из-за которых у меня могут возникнуть неприятности.

В хорошем плане команда работает на исполнителя, а не самодеятельностью занимается. Мне бы сейчас пару-тройку людей из прежней поддержки, и я бы уже визжащих девок катал на этой летающей колбасе.

Отключение освещения не решит проблему с скрытностью подхода: ночь, как назло, безоблачная и лунная. Даже двухлунная. Газету почитать вряд ли получится, но вот заметить высокого человека, карабкающегося по стене, можно.

А ведь карабкаться придется. Лимит времени не располагает к долгому планированию и тщательности исполнения. Подобная топорность исполнения не в демоническом стиле, но некогда придумывать что-то более изощренное, да и средств в моем распоряжении немного.

— Шфарич, что это за здание? Вон, под самой стеной.

— Откуда я знаю? Что-то хозяйственное, наверное, на сарай похоже. Может, уголь хранят или еще что.

— Эту постройку надо поджечь.

— Зачем?

— Чтобы горела...

Сплюнув в очередной раз свою бесконечную жвачку, Шфарич обернулся к одному из сопровождавших нас солдат:

— Сходи на главный вход, керосин у них возьми, потом запали эту развалюху. Без керосина здешняя сырятина не займется, так что бери побольше, нечего его жалеть.

Может, команда и несравнима с прежней, но она есть, и мне не всю работу приходится выполнять самостоятельно.

Но самое главное, как обычно, остается за мной.

* * *

Шфарич, может, и последний мерзавец и соображает не всегда быстро, но тут оказался прав — даже применение керосина не превратило сарай в огромный костер. Пламя бегало по стенам лениво и лишь местами, веселее всего занялась крыша, но и та давала больше дыма, чем огня. Надежда на то, что засевшие на главном блоке агенты будут ослеплены с этой стороны, умерла, не родившись.

В этой проклятой тюрьме не осталось ничего сухого...

Солдаты с нескрываемым интересом таранились на мои приготовления. Костюм,

который сыграл немалую роль, я снял еще до того, как первый раз вышел под здешнее небо. Главный корпус доминирует по высоте над всеми остальными постройками комплекса, так что «серебристого человека» могли заметить издали. Теперь я в тонком черном облегающем комбинезоне, что смотрится далеко не так эффектно. И уж куда незаметнее. Хотя, знай я, что все так обернется, прихватил бы куда более свободную одежду. На фоне темной сырой стены я буду выглядеть подозрительным пятном, очень уж похожим на человека, и, увы, с этим ничего не поделаешь, не то на мне одеяние, чтобы скрывать очертания фигуры. Это только в недорогих фильмах ниндзя так облачаются. Не спорю, выглядит эффектно, но зато насчет эффективности есть недоработки.

Кстати, с киношными да и настоящими ниндзя меня роднит сейчас кое-что еще — способ, при помощи которого я намереваюсь попасть на крышу главного блока. Вертикальные стены не такие уж непреодолимые преграды, как думают те, кто пытается ими оградиться. Мои коллеги применяют множество способов преодолевать подобные преграды, как самые простые, так и современные, технологические. К примеру, на руки, да и на ноги, можно закрепить управляемые вакуумные присоски. Они прекрасно держатся на гладкой поверхности современных башен из стекла и бетона, но на неровностях могут возникнуть проблемы. Они решаемы, но за все приходится платить, и в нашем случае это энергия, которая питает компактный компрессор. Расход ее резко увеличивается, а таскать за собой сетевой кабель мы не можем, так что аккумулятор садится быстро, и если это случится на середине подъема, воровская карьера оборвется.

Никогда таким не пользовался. Слишком много минусов: оборудование не так уж и компактно, а мне и без того приходится много таскать; компрессор шумит и к тому же может вызвать ритмичную вибрацию, на которую настроены датчики некоторых современных охранных систем. Да и не доверяю, слишком уж рискованно. Ведь работать придется безо всякой страховки, если что-то откажет, даст сбой...

Я сторонник самых простых методов. К сожалению, и за них тоже приходится платить. Вор, отказывающийся от облегчающих жизнь технологий, должен заменить их кое-чем другим. В нашем случае это личные навыки. А у меня с детства хватало задатков, которые не один раз оценили наблюдательные люди. По всеобщему убеждению, из меня бы вышел отличный воздушный гимнаст, но пришлось бросить цирковое училище в тот момент, когда я четко осознал, что глупо растрачивать недолгую молодость на потеху неблагодарной толпы.

У ниндзя не было компрессоров и вакуумных присосок, зато имелись тренированные бойцы. Характер их заданий далеко не всегда позволял носить крупногабаритное оружие, и они выкручивались разными методами. К примеру, в трудных ситуациях использовали тэккокаги — стальные когти, закрепляемые на ладонях и запястьях. Ударом вооруженной ими руки можно было нанести серьезные раны, а иногда хватало простого размахивания перед лицом. Столь зловеще выглядевшее оружие психологически могло подавить куда эффективнее привычного всем меча или кинжала.

Но я не сторонник насилия, да и работа моя его не приветствует, несмотря на криминальность. Потому тэккокаги никогда с собой не таскал, довольствуясь младшим братом этого оружия: тэкаги, или попросту сюко. Ими не отбить удар меча, да и запугать противника трудно, но при желании тоже можно расплосовать физиономию, повредить глаза или даже убить, вскрыв артерию на шее. Однако основное предназначение иное — с их помощью можно перебраться через искусственную вертикальную преграду, вскарабкаться на дерево или скалу.

Минусы тоже имеются, куда же без них? Если с податливой древесиной все понятно, то с искусственной вертикальной преградой сложнее. Далеко не в любой строительный материал можно вонзить когти на глубину, достаточную для удержания тела на весу. В таком случае надо цепляться ими за любые неровности, достаточно даже самых незначительных, где нечего и думать закрепить пальцами. На все тех же башнях из стекла и бетона суюко вряд ли помогут, слишком уж все гладко. Хотя в моей практике был случай, но в тот раз я перебирался по горизонтали, из одного окна в другое, ниже или выше дороги для меня не существовало.

Второй минус, и он же главный: от человека, использующего суюко, требуются незаурядные физические данные и редкое хладнокровие. Он должен четко просчитывать каждый шаг маршрута восхождения, мгновенно реагировать на угрозу падения, тело должно подчиняться идеально и без задержек. Если вы не умеете несколько раз подтянуться на одной руке, тэкаги не для вас. Если не способны пройти по доске на высоте небоскреба, насвистывая веселую мелодию, — тем более не для вас, так что не стоит даже начинать тренировки.

И то и другое я умел.

Местную тюрьму, похоже, строили те же люди, которые возвели большинство древних памятников Египта. Это совсем уж наивным лохам можно рассказывать, что между блоками кладки там невозможно лезвие безопасной бритвы вставить, на самом деле в большинстве случаев для стальных коготков суюко всегда найдется возможность зацепиться. Остается только тщательно затянуть ремешки, ведь последнее дело, если крепление разболтается в процессе восхождения.

Где-то рядом оглушительно бабахнул винтовочный выстрел, под его раскаты жалобно звякнуло стекло, правее заметно потемнело.

Шфарич, сплюнув по своему обыкновению, прояснил:

— Свет тушат.

— Я же сказал: можно поступить куда проще, если поговорить с надзирателями.

— А нет их уже, надзирателей. Всех уже того... Да и зачем обижать Тутуко, пусть черномазый порезвится.

— Тутуко?

— Ага. По слухам, он бастард черного папаши Мушду, получается, почти родной братец, потому за собой его и таскает всюду. Может, и так, на вид такая же обезья... то есть понятно, что соплеменники они. Дикий он совсем, молчун тот еще, пока не выпьет, но никого лучше его с винтовкой во всем мире не сыскать.

Снова треснуло, погасла очередная лампа.

— Он вообще почти никогда не промахивается: один патрон — один труп. В упор это делать не очень любит, издали только. Так ведь иного бабуина здешнего иначе не достать, потому как скачет вдали на своей драной кляче, размахивает дедовской саблей, орет что-то обидное, думает, ничего ему за это не будет. Не знает, дурачок, про нашего Тутуко. Вон, третий выстрел, третья лампа. Еще десяток-другой патронов переведет, и не останется тут света. Не так уж много его осталось после того, как мы ворота высадили. А ты чего, и правда собрался карабкаться на стену? Высоко там, и что делать будешь, как наверху окажешься?

— Украду дирижабль, — буркнул я и потуже затянул последний ремень.

[Купить полную версию книги](#)

Десендер — устройство для спуска. Имеет множество разновидностей, различающихся по функционалу. У отечественных производителей известно как «десантёр», «промальп» и пр.

Иоганн Вольфганг Гёте. Фауст. Леон цитирует высказывание Мефистофеля (один из вариантов перевода).

Бостонское чаепитие — акция протеста американских колонистов (16 декабря 1773 года). В ответ на непродуманную экономическую политику британских властей (в том числе в области налогообложения) в портах восточного побережья не позволили разгрузить тюки с чаем. При этом в Бостоне груз чая был уничтожен. Последующие акции вскоре привели к Американской революции.

Гевея — дерево семейства молочайных, источник каучука.

Печально известный лагерь для военнопленных Андерсонвилль, созданный конфедератами в 1864 году, во время Гражданской войны.

Генерал почти дословно цитирует выражение «Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги». Приписывается Наполеону Бонапарту и прочим, но на самом деле автором является Людовико Гвиччардини (в его сочинении эти слова произнес маршал Джакомо Гривульцио, 1448–1518).

Сидерит (железный шпат) — карбонат железа, ценная руда для его получения, как правило, обеднен вредными для металлургии примесями.

Сулема — хлорид ртути, ядовитое вещество, раствор можно применять в качестве дезинфицирующего средства.

Речь идет об эпизоде из фильма «Подвиг разведчика». «У вас продается славянский шкаф?» — фраза в одном из диалогов героев («Шкаф уже продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой» — отзыв на пароль). Фразы стали крылатыми, использовались в других фильмах, книгах, анекдотах и пр. как подчеркивание доведенного до абсурда нагнетания непомерной таинственности в тех случаях, когда в ней нет необходимости.

Япет — спутник Сатурна. Дальнейший рассказ героя об этом небесном теле основан на данных, полученных с помощью космического аппарата «Кассини» (2004 г.).

Клюз — отверстие для якорной цепи, а также для швартовочных и буксирных канатов.